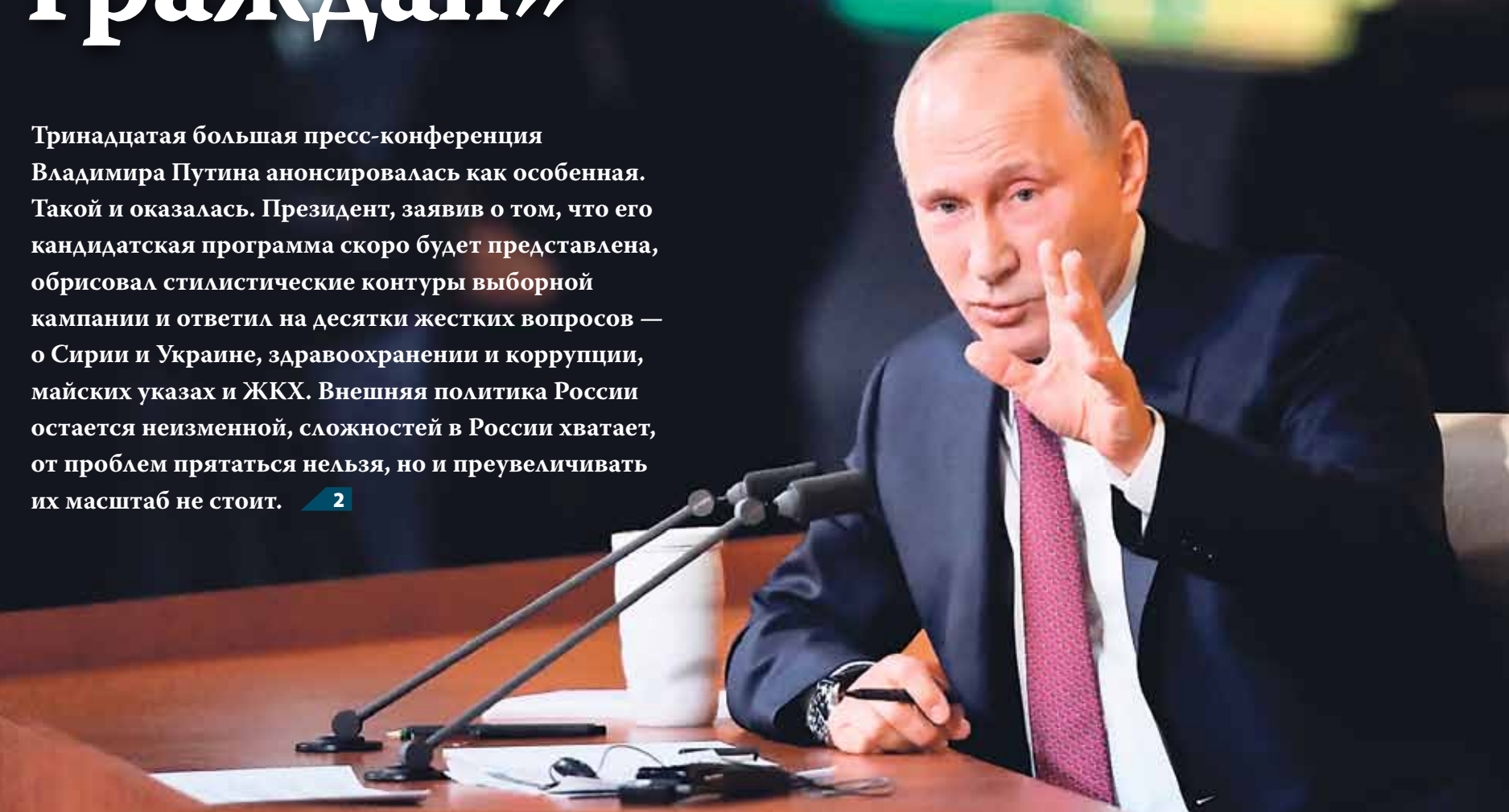

Владимир Путин: «Рассчитываю на широкую поддержку граждан»

Тринадцатая большая пресс-конференция Владимира Путина анонсировалась как особенная. Такой и оказалась. Президент, заявив о том, что его кандидатская программа скоро будет представлена, обрисовал стилистические контуры выборной кампании и ответил на десятки жестких вопросов — о Сирии и Украине, здравоохранении и коррупции, майских указах и ЖКХ. Внешняя политика России остается неизменной, сложностей в России хватает, от проблем прятаться нельзя, но и преувеличивать их масштаб не стоит.

ФОТО: REUTERS/PASTIRAM

Россия двадцать лет спустя

Андрей РУДАЛЕВ, Софья МЕТЕЛКИНА

Содержательный разговор о перспективах развития России — один из главных общественных и политических трендов года. Разумеется, отвечать на вопрос о том, какой будет страна, предлагается в том числе и молодежи. О чем думают и мечтают те, кто сегодня еще сидит за партой? Чтобы узнать это, «Молодежка ОНФ» провела конкурс «Образ будущей страны». Выяснилось, что участникам далеко не все равно, в какой России жить через 20 лет. Молодые люди подробно рассказали о том, каким они видят решение многих нынешних проблем — от образования и идеологии до ЖКХ, экологии и медицины. В интервью газете «Культура» координатор «Молодежки ОНФ», член комитета Госдумы РФ по экологии и охране окружающей среды Сергей БОЯРСКИЙ поделился своими впечатлениями от эссе, стихотворений и видеоматериалов, присланных на конкурс.

Сергей Кредов: «ВЧК не была всесильной»

Августин СЕВЕРИН

Спустя сто лет после образования самой грозной и таинственной спецслужбы страны споры о Всероссийской чрезвычайной комиссии продолжаются. В советское время «рыцари революции» с чистыми руками, горячим сердцем и холодной головой были в основном безупречными героями, а постперестроечные времена чекистов стали рисовать одной черной краской. Чтобы разобраться, какая точка зрения ближе к истине, «Культура» обратилась к историку спецслужб, писателю и публицисту Сергею Кредову.

культура: Историю, как известно, пишут победители. Мы изучали ее, а теперь выясняется, что постигать все приходится заново. Люди не знают, чему верить.
Кредов: Я бы уточнил: историю пишут и победители, и побежденные. Когда триумфаторы уходят, образовавшийся «вакуум» заполняет версия побежденных. Так во многом произошло в нашей стране.

В номере:

- Вот «Пуля» просвистела
- Восток — дело русское
- Всем выйти из сумрака
- Совет да любовь
- «Авторское право»

Родион Щедрин:
«Лучшая репетиция с Гергиевым прошла в такси»

Роман Злотников:
«Хочу, чтобы мой читатель стал более сложным человеком»

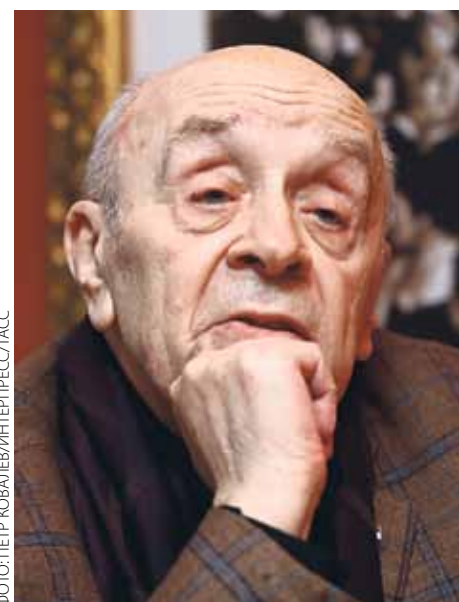
Вся португальская мощь
«Владыки океана. Сокровища Португальской империи» в Кремле

Визит старой «Дамы»
Премьера в «Геликон-опере»

Данил Стеклов:
«Если человек ничтожен, то и артистом он будет неважным»

Филипп Дюран:
«Трентиньяну претили эротические сцены»

А нас он попросил остаться

Николай ИРИН

Не стало народного артиста СССР Леонида Броневго. Закономерная скорбь сочетается со светлым чувством благодарности за сам факт существования такого человека. Известный и любимый многими актер оставил для нас важное послание. Он — больше, чем неподражаемый лицедей. Броневой всю жизнь интуитивно двигался в направлении одного, по-настоящему философского вывода, который на первый взгляд покажется тривиальным, но на деле стоит дорого: каждая зрелая личность должна основывать свое поведение на самом надежном из всего, что есть, — на индивидуальном опыте.

Леонид Сергеевич родился в семье сотрудника ОГПУ, в Киеве. В определенный момент его отец попал под раздачу в период внутрипартийной борьбы. Броневой вместе с матерью сначала оказался в ссылке как «сын врага народа», потом в эвакуации. В Чимкенте, еще во время учебы в средней школе, работал учеником пекаря, секретарем-машинистом, играл на аккордеоне, благо имел прекрасный слух и качественную музыкальную подготовку.

Потом были Ташкентский театральный институт, провинциальные труппы, поступление сразу на третий курс Школы-студии МХАТ и учеба на новом, уже столичном уровне. Амбициозный Броневой рассчитывал остаться в Москве, но его почему-то не взяли ни в «Современник», ни в другие московские коллективы.

Нуреев ушел с молотка

Елена ФЕДОРЕНКО

Мировая премьера балета «Нуреев» композитора Ильи Демучко, хореографа Юрия Посохова, режиссера, автора либретто и сценографии Кирилла Серебренникова состоялась на Исторической сцене ГАБТа.

Спектакль выпускался в ситуации беспоконной. Об этом, кажется, не высказалась только ленивый: сначала, за три дня до июльской премьеры, показ экстренно перенесли на май 2018-го, потом театр объявил о решении представить «Нуреева» в декабре. Пламя разгоралось, ажиотаж кружил го-

ловы. «Как можно думать о премьере — ведь режиссер находится под домашним арестом», — говорили одни. «Это шедевр, и его надо показывать — пусть увидят, какой талант попал в опалу», — требовали другие. Третьи истерически боялись скандала. Напрасно. Защитники нравственности могли почитать спокойно. Никаких пикетов и демонстраций не наблюдалось. Очень хочется отделиться от всех фоновых обстоятельств и сосредоточенно взглянуть на саму постановку, которая, честно говоря, ни бурни натиаска не стоит. Собственно, «Нуреев» и не спектакль в традиционном представлении, и уж тем более не балет, а мультижанровое шоу.

«Король-солнце»

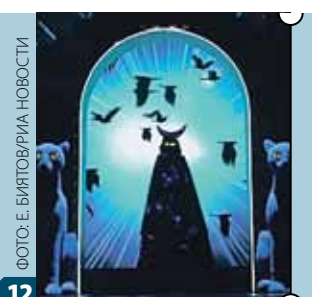
РАЗНЫЕ, НО ВМЕСТЕ
«Передвижники и импрессионисты. На пути в ХХ век»

НИКИТА МИХАЛКОВ:
«Россияне голосуют рублем за наше кино»

МАТИЛЬДА В СТРАНЕ ЧУДЕС
«Синяя синяя птица» в Театре Наций

«БОЛЬШАЯ КНИГА» СТАЛА КРАСНОЙ

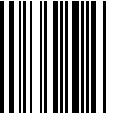

16 плюс

ISSN 1562-0379

17045

9 771562 037001

1 культура: Пока итоги не подведены и жюри рассматривает работы, как бы Вы оценили их в целом? Что порадовало? Что показалось важным?

Боярский: Отрадно, что участники связывают свое будущее с судьбой страны. Они растут ответственными людьми, оптимистами, нуждаются в справедливом старте, выступают против привилегий, готовы жертвовать своим временем во имя добра, милосердия, блага общества.

Это очень хорошая тенденция. Многие незаслуженно ругают нашу молодежь за то, что она «все время сидит в интернете и смотрит глупые сериалы». Как показал конкурс, это не так. Ребята очень серьезные, целеустремленные, и, помимо романтического оптимизма, присущего юности, в работах встречаются интересные предложения, основанные на приобретенных знаниях, первичных навыках в профессии. Они предлагают конкретные решения проблем в области права, медицины, градостроительства и энергетики.

культура: Нашлись и те, кто не слишком доволен происходящим в стране. Предлагают ли они что-то или только критикуют?

Боярский: Таких набралось два процента: они не то что не видят света в конце тоннеля — просто в основном занимались описанием проблем, а не поиском их решения. Трудностей действительно много, но о них нужно не только говорить, масштабировать, но всегда стараться обозначить выход из ситуации. В подавляющем числе работ есть стержень, главная мысль: от каждого человека и его поступков зависит не только собственное будущее, но и судьба страны.

культура: Разброс по возрастам очень широкий: есть подростки 15–17 лет, а есть те, кому больше тридцати лет. Получается, между некоторыми конкурсантами разрыв в целое поколение.

Боярский: Важно, что 64 процента участников — это те, кому 15–17 лет, возраст 33 процентов конкурсантов — 18–23 года. А вот молодежь от 24 до 35 лет проявила наименьшую активность, их всего 3 процента.

На мой взгляд, более активное участие школьников во многом связано с тем, что письменную работу удобнее выполнить тем, кто этим постоянно занимается. Даже мне сейчас сесть и написать четыре страницы текста, наверное, сложнее, чем человеку, который позавчера работал над большим сочинением.

культура: Почему в центре внимания оказалась проблема образования?

Боярский: О ней писали люди, которые сейчас находятся в процессе обучения. Они видят, что все далеко не идеально. И, к сожалению, сегодняш-

Россия двадцать лет спустя

ФОТО: СЕРГЕЙ КОЛЫВАНОВ/ИФРАС/СПСС

ней системе образования далеко не всегда удается сформировать индивидуальный подход к ученику. Я и по себе прекрасно помню (несмотря на то, что школу окончил двадцать лет назад), как мучились наши гуманитарии на точных науках и, наоборот, как наши будущие Лобачевские с трудом кропали сочинения.

Это не означает, что среднее образование не должно быть разносторонним. Наша школа всегда славилась своей разнонаправленностью, и образованный человек, гражданин России, должен быть эрудирован во всех сферах. Но все же искать молодые таланты и давать им возможность раскрываться именно в той сфере, в которой у них лучше всего получается, — вот задача, которая стоит перед страной.

Очень многие ребята говорили о проблемах школы, в числе которых —

система оценки знаний, начиная с ЕГЭ и заканчивая нашей пятибалльной системой: она ведь не всегда дает объективную и честную оценку тому, как ребята на самом деле знают предмет и ориентируются в нем.

культура: Удивило, что темой «Культура» участники конкурса заинтересовались меньше всего. Почему?

Боярский: Это естественное следствие того, что вопросы культуры сегодня в России недооценены.

На мой взгляд, роль гуманитарной сферы как фундамента нации и цивилизованного общества понятна далеко не всем чиновникам, принимающим решения. К сожалению, и многие родители, воспитывающие детей, не до конца осознают проблему.

Когда я учился в школе, у нас были обязательные походы в театр. Мы всегда сверялись со школьной програм-

мой — читали книгу и сразу шли смотреть спектакль, чтобы закрепить знания.

Сейчас проблема состоит в том, что если ты придешь на постановку после прочтения книги, то не знаешь прочитанного. Современные «гении» режиссуры со своим новым видением издеваются над классикой, настолько меняют смыслы, что такое показывать детям вообще нельзя. Взрослые могут встать и уйти, а школьники вынуждены послушно сидеть и внимать потоку воспламененного сознания людей, прикрывающих свою бездарность поиском новых форм.

Если мы и дальше будем уделять вопросам фундаментальной культуры, исторического наследия столь поверхностное внимание, то и результаты получим соответствующие. Ребята, к сожалению, даже не задумываются, насколько это принципиально. Когда мы будем подводить итоги, и внимательно сделаем акцент на этом. Я бы очень хотел, чтобы «Молодежка ОНФ» как площадка, которая находится в реаль-

ной связи с молодежью, провела конкурс или создала проект, который будет отдельно посвящен культуре.

культура: К слову, мало кто писал про роботов и искусственный интеллект. Многие называют новое поколение «технократами», однако больше всего работ посвящено социальным проблемам (образованию, экономике, медицине), а не космодромом и роботизации.

Боярский: Я рад, что мы не скатились до рассказов о роботах, космических стрелялках, войнах галактик или телепортации — надеюсь, что ребята и так знакомы с фантастикой из лучших литературных источников. Мы просили их обрисовать образ будущего через 15–20 лет, а не через 100–200. Думаю, человек, который мыслит прагматично, понимает, что едва ли через короткое время мир и жизненный уклад изменятся настолько, чтобы говорить о футуристичных темах. Поэтому мы и взяли такой временной отрезок. Конечно, если бы попросили пофантазировать о будущем через несколько сто-

Открытие будущего

«Будущее нашей страны будет светлым и многообещающим. Экономика России окрепнет; программные технологии скакнут далеко вперед.»

Алина Пан, Московская обл.

«Мне хочется верить в светлое будущее, в мир, в котором у каждого из нас будут равные права и безграничные возможности!»

Инга Рагимова, Череповец

Призыв к молодежи

Нам предстоит решить задач немало. Но главная из них — найти тот путь, чтоб молодежь активной стала.

Призыв страны сегодня слышим мы, Большие стройки, новые проекты. Мы открываем горизонты

новой высоты, И новый импульс придаем развитию страны.

Мы заявляем — это наше время! И хватит ждать от жизни перемен, Пора вставать, идти, бороться, Бросая вызов трудностям судьбы. Мы молодежь, а значит, нам творить, Трудиться, создавать и строить. На нас лежит ответственности груз За память прошлого

и перемен грядущих.
Розалия Ахметова, Казань

Что подарит нам Россия? Через двадцать-тридцать лет? То, что сделаем сегодня, Будет правильный ответ.

Пора стать немного лучше, Лучше, чем ты был вчера. Утром просто улыбнуться И открыть на мир глаза. Взять его в свои ладони, Изменить совсем чуть-чуть — И не будет больше боли, Будет очень долгий путь — Путь России молодой, Страстной, сильной и живой!

Виталий Кобыльников, Вологда

Наше будущее, В году семнадцатом сегодня засыпаю, В тридцать седьмом

я просыпаюсь вдрызг. Я не боюсь, я точно знаю, Что очень изменилось все вокруг.

<...>

Там, где коррупция

не существует в корне, Любый проступок — в камере сигнал. И нету преступления заторной Когда тебе «на лапу» кто-то дал.

<...>

А все дороги только пешеходам, Тем, что гуляют, ходят не спеша, Где у народа полная свобода, Где страха нет быть сбитым никогда.

<...>

Соцсети стали жуть не популярны, Ведь у людей всегда теперь есть шанс Для встреч с друзьями

самых регулярных, Для турболета нет больших пространств.

При этом люди вовсе не ленивы, И дисциплина, воспитание и спорт Вошли в привычку,

честь и справедливость, И в мире войн всех зарыт топор!
Кира Галиева, Владикавказ

Страна великая!

Я, устав, пришел с учебы, Приорнул и вижу сон Про страну души особой, Что не должно знать умом.

Появились в ней дороги И пропали дураки! Люд не ходит руки в боки, Пальцем тыкая в других.

В той стране культура слова Запредельно высока. Не обидит там никто вас Ни за что и никогда,

Нет в ней бога выше правды. Повелось так у людей: Сильный помогает слабым, Потом прогоняя лень!
Даниил Курников, Московская обл.

Я вижу Россию, когда пройдет век, И в ней всех ценнее — мир и человек! Наука в России шагает вперед, И каждый себе по душе дело найдет. С природой на «ты»,

но всегда с уважением, Берем, отдаем и живем

с наслаждением. И нет вражды, нет войны за ресурсы, На нас не влияют валютные курсы! Болезней больше нет,

что мир содрогают,

И люди теперь век, два, три ... проживают!

Нет лжи, лицемерия и подлых измен, Я вижу Россию, тот век перемен! Когда семьи снова крепчают и растут, И каждый юнец рад, что родился тут!
Дмитрий Потопенко, Тольятти

«Пора заканчивать проводить в школе «шоковую терапию», потому что заложенные ситуации становятся не только ученики, но и учителя... В школе будущего должна быть стабильность. По всей стране должны быть единые учебники, чтобы ученик, переезжая из одного региона в другой, был уверен, что он не отстанет по программе... Еще бы я посоветовал министру образования подумать о том, чтобы разграничить работу классного руководителя и учителя. На мой взгляд, это должны быть разные люди. Классный руководитель должен следить за тем, как ребенок посещает школу, как он учится, как ведет себя на уроках; поддерживая связь с родителями, вести классную документацию. А учитель должен учить. У него должно быть достаточно времени для подготовки к урокам...»

И еще я думаю, что в школе обязательно должен быть юрист. С экранов телевизоров, в эфирах радиостанций мы видим и слышим обвинения в адрес школы и учителей: пришел ученик в школу с ружьем — виноват учитель, затеял драку — виноват учитель. Самыми бесправными в итоге оказыва-

ются учителя, а школа освещается как место, где творятся бесчинства.»

Никита Жицкий, Ленинградская обл.

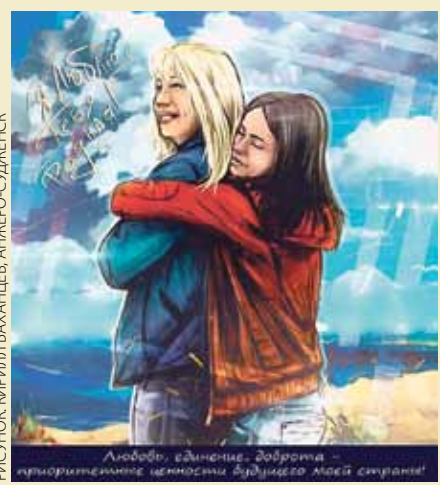
Вести из будущего

Россия стала первой страной, которая полностью решила проблему социализации людей с ограниченными возможностями.

В Ставрополе прошел форум по вопросам социализации людей с ограниченными возможностями. Гости из-за рубежа перенимали российский опыт, которым делились создатели программы социализации и всестороннего развития личности. Основными спикерами форума были люди, личным опытом показавшие, почему слова «инвалид» в нашей стране не существует. С проведением форума совпало еще одно социально значимое событие: закрылся последний детский дом, все малыши, оставшиеся без попечения родителей, нашли новые семьи.

Михаил Стеблянский, Ставрополь

Необходимо развивать культуру. И делать это надо масштабнее и глубже, ориентируясь на понятие культурного уровня в массах... Телевизионная реклама должна стать эстетичнее, а не демонстрировать плоский юмор. Желательно чаще демонстрировать документальные фильмы о великих деятелях искусства по федеральным каналам, а не очередные разборки, вновь касающиеся социальных проблем, которые, что неудивительно, имеют высокий рейтинг. Человек видит негатив, человек слышит негатив... Казалось бы, в чем заключается сложность убрать передачи с негативным посылом, и

РИСНОК: ИРИДИТА/КАНАЛЫЕВ АНЖЕЛО-СОУРЖЕНСК

люди меньше смотреть на это станут, меньше жаловаться, меньше пить; беречь нервы и здоровье, повышая уровень жизни.

Жанна Комарова, Московская обл.

В местной утренней газете — «Вести. Двадцать первый век». Я вакансию заметил: «Очень добрый человек.

Стаж — не важен, опыт — тоже, Сердце — с Вас, улыбка — с нас. График сложный, даже может Валом дел на каждый час. Формы — нет, рюкзак возьмите, Мы насыпьем Вам конфет. Только маме помогите Донести домой пакет. Накормите лебом уток, Улыбнитесь продавцу. Доброту у вас, без шуток, Наблюдают по лицу...»

Мария Сильченко, Санкт-Петербург

«Вечером того же дня профессор за ужином рассказывал своей пожилой жене о конференции. Не упуская ни одной детали, он говорил и о побежденнице, не прекращая восхищаться роботом. Его жена молчала и внимательно слушала.

«Представляешь, если ее работа увидят во всем мире, человеку больше не придется тратить время и утруждать себя ожиданием вдохновения! И никто не будет огорчаться отсутствием таланта! Можно будет просто купить себе робота! Здорово, правда?» Профессор с радостью в глазах закончил свой рассказ.

Его жена ничего не ответила. Она с грустью перевела глаза на кухонный стол и стала рассматривать машину, которая подбирает ежедневно меню для завтрака, обеда и ужина. Рядом стоял прибор для мытья и нарезки овощей. Слева стояла машина, которая вместо хозяйки смешивала ингредиенты согласно рецепту и переносила продукты от робота к роботу для приготовления пищи. В это время по полу ползала уборочная машина, собирающая пыль и отмывающая мельчайшие загрязнения.

Во всех сферах уже давно домашние обязанности выполняли машины. Начиная от стирки вещей и заканчивая сервировкой стола. Человека полностью обслуживали механизмы. Един-

летий, мы бы услышали самые смелые идеи — о том, что мы живем на Марсе, и так далее.

культура: Чувствуется, что дети очень любят свою страну — и об экологии говорят, и об обустройстве районов, и призывают специалистов не покидать Родину. На Ваш взгляд, если эти ребята, желающие России светлого будущего, однажды придут во властные структуры, что изменится?

Боярский: Вопрос звучит так, будто в России нужно что-то менять в лучшую сторону. Это человечество должно идти вперед. А Россия — прекрасная страна, у нас много проблем, но мы являемся примером для подражания для многих государств. У нас все стабильно, все в порядке, нет войны, мы не агрессоры, у нас нет какой-то дикой идеологии, мы стараемся жить в современном мире.

Да, у нас есть проблемы с экономикой, да, у нас огромная территория, и нужно ее осваивать и защищать. Нам нужно продолжать свою уверенную независимую политику на международной арене. Но если такие ребята действительно придут на ключевые посты через 20–30 лет, не мимикрировав по пути к высокому креслу, и их убеждения не разобьются о высокие скалы реальности, это будет здорово.

Речь идет о том, что и сегодня у каждого человека есть возможность влиять на ситуацию. От конкретного решения любого руководителя, писал он эссе про образ будущего или не писал, должна исходить внутренняя правда. Нравственные законы выше законов, написанных человеком. Что такое хорошо и что такое плохо, нам всем объясняют в детстве. И если ты хранишь это чувство в себе на протяжении жизни и всегда сверяешь свои поступки с ощущением того, прав ли ты внутренне или неправ, то, конечно, все вокруг тоже будет меняться — с приходом руководителя на определенный пост или с его ежедневной деятельностью на благо общества. Это может быть театр, может быть телеканал или завод. Приветливые, вежливые люди всегда выделяются — приятно поздороваться с таким человеком. Приятно, если водитель автобуса не захлопывает дверь у тебя перед носом, приятно поздороваться с дворником, который желает тебе доброго дня.

Вот маленькие, но столь необходимые попытки стать ближе друг к другу, объединиться вокруг понятных, совершенно простых истин, вместо того чтобы искать темы для разоблачения, спора и раскола. Вот к чему мы должны стремиться. Ребята и их работы показывают, что на сегодняшний день они объединены такими идеями. Я надеюсь, что они это чувство сохраняют на всю жизнь.

ственное, что по-прежнему человек делал самостоятельно, это искусство. Но теперь, если робот девочки обретет мировую известность, искусство тоже станет «механическим».

«Нет, — не поднимая глаз, ответила женщина. — Это не здорово!...»

«Чему ты радуешься? — спокойным голосом спросила женщина. — Тому, что мы отдали абсолютно все, лишь бы не делать ничего? Нужно видеть границы». И в какой-то момент, повернувшись к окну, произнесла она еще спокойнее прежнего: «Нужно просто постараться. А не сделать все — чтобы не делать ничего».

Арина Васильева, пос. Лесной городок

Могучая сила — большая держава! <...>

Быть может, в стране нашей все поменяется: И люди, профессии, спорт и кино, И в космос мы будем

летать постоянно, Освоим все то, что хотели давно. Достигнем огромных побед

в разных видах, Будут взлеты, падения, шаг — и вперед.

Узнаем побольше всего в медицине, Найдем антидоты, спасем всех сирот. А что ж будет с нами? Человечество в целом?

Мы станем едиными, как никогда, Могучая сила — большая держава, Мы будем друг с другом, друзья, навсегда!
Элиза Гайкова, Санкт-Петербург

1 Снова провинция, работа, которая не приносила удовлетворения или откровенно раздражала, роли Ленина со Сталиным в трескучих пропагандистских спектаклях, постановки, на которые собиралось не больше двух десятков зрителей. Потом драматичная смерть первой жены и новая попытка пристроиться в столице, где возникли неожиданные проблемы уже с великими режиссерами — вроде Анатолия Эфроса. По словам Броневой, Анатолий Васильевич видел его исключительно в ролях, требовавших демонстрации отрицательных свойств. «Но когда их без конца вытаскивают, становится так тошно, начинаешь думать, наверное, я действительно отвратительный тип, смотришь на свою морду в зеркало, думаешь, наверное, ему противно мое лицо, моя фигура, я произвожу впечатление какого-то чудовища», — вспоминал артист.

Природный талант — не индустрия и не гарантия социального или творческого успеха. Жалеть «неудачника» Броневой, долго существовавшего в режиме незаметности и подневольности, дело неинтересное. По-настоящему важно не то, как человек проживает, а то, какие выводы из этого извлекает. Броневой действует, как надлежит каждому: не казнится, не сдаётся, но внимательно накапливает впечатления. Более того, бережно собирает то, что называется «опытом». Копит эмоции, вплоть до обид. В принципе, дело для любого смертного небогуетодное. Для всякого, кроме актёра. В «Семнадцати мгновениях весны», куда Броневой попал в качестве исполнителя, известного лишь узкому кругу театраловых фанатов, он оказался в окружении суперзвезд. Лиознова затеяла игру с опасным материалом и потому сделала ставку на проверенное, на канонизированное обаяние. По воспоминаниям самого Леонида Сергеевича, роль шефа гестапо Мюллера первоначально предназначалась народному артисту Всеволоду Санаеву, известному еще со времен довоенного кино. Именитому актёру затыла не понравилась, он отказался — у Броневой появился шанс на невозможное.

Судя по всему, именно Леонид Сергеевич единолично переконструировал картину, отодвинув в сторону и Шелленберга, и других, став единственным то ли оппонентом, то ли двойником Исаева-Штирлица. Когда в интервью уже 2000-х годов Броневой вспоминала, как товарищи по Школе-студии почему-то оттерли его, равного по классу, когда затеяли «Современник», стало понятно, на каком топливе работает этот самый Мюллер: льсоватый, мешковатый, круглолицый — ну, никак не годящийся на роль премьер. Однако в исполнении Броневой это человек, который перестал переживать по поводу внешности, происхождения, дурного человеческого и социального окружения. «Вы что, ясновидящий?!» — интересуется у Мюллера Шелленберг. Конечно, нет. Не ясновидящий, не юноша бледный со взором горящим, не породистый аристократ, не премьер, не герой-любовник. Просто человек, принявший себя таким, какой он есть. Человек, уважающий собственный трудный опыт. Технократ, безразличный к собственным фантазиям, требующий четкости мышления и оттого поправляющий неряшливо мыслящего Айсмана: «Действия и поступки — одно и то же».

Этот Мюллер — не циник, он попросту равнодушен к пафосу, трезво реагируя на приветствие Штирлица «хайль, Гитлер»: «Да ладно Вам, у меня и так в ушах звенит». В «Семнадцати мгновениях весны» все наши великие и просто хорошие артисты играют превосходно, задействовав и технику, и душу, но только Броневой, мастерски дистанцируясь от шефа гестапо, воплощая от поверхности прописанного образа нечто совсем уже судьбоносное, свое. Азарт повседневно существующего — «фиска» Мюллера. Ему интересно психически вкладываться в каждое мгновение. Он не метафизик, а совсем земной, и в этом своем качестве гениально соотносит Лиозновой с невозможным, по-настоящему фантастическим Штирлицем. Поклонник — и прощай, и теперешний — влюблен в Мюллера

А нас он попросил остаться

ра потому, что Броневой предъявляет здесь его, зрителя, заурядность. Но делает это любя, пестуя, возвышая до статуса героического.

Штирлиц идеален, Мюллер реален. Чуть позже в «Печкачавочках» Шукшина Санаев блестяще сыграл профессора-лингвиста, который дает представление о том, каким стал бы Мюллер, не отказавшись Всеволод Васильевич от предложения Лиозновой. Санаев умеет воплотить некий коллективный опыт, отчего и понадобился Шукшину. Но «общие категории» — вещи зачастую ненадежные. В Мюллере от Броневой зрителей на самом деле потрясла и заворожала трансляция сугубо индивидуального переживания. Все сущее проверить самому. Ни на кого особенно не на-

технически опирающегося на собственный опыт, оказалось тогда возможным лишь на материале иноземном, да еще и враждебном. Так или иначе, но это было сделано. Сегодня пришло время осознать, какого уровня прорыв осуществил Броневой в «Семнадцати мгновениях...».

Все его одинокие скептики эксцентричны постольку, поскольку природный артистизм требует выхода, а зритель жаждет артистизма. Но даже в самых внешне разухабистых своих проявлениях персонажи Броневой несут заветную идею: индивидуальный опыт требует внимательного осмысления. Он уравнивает зачастую завиральные романтики, возвращая каждого из нас к себе, на землю. Велюров из «Покровских ворот», вторая его леген-

качественных сдвигов в уже, казалось, проигранных ситуациях. Броневой дает гигантский психологический объем на материале водевилей. И это становится возможным лишь потому, что его собственной экзистенциальной задачей всегда было сохранение внутренней независимости и ясности в процессе самонаблюдения.

«К Советскому Союзу у меня отношения однозначные, и ноштаблгии я ничьей не понимаю», — выразился он как-то в интервью, и это едва ли не единственный случай в наших публичных дискуссиях о национальном прошлом, когда сразу ясно: к оценке не примешаны никакие групповые интессы и нет психологических наводок от социально-политических экстрасенсов. Когда Броневой говорил «я», это было именно «я», воплощенный в артисте кино, телевидения, театра на Малой Бронной и «Ленкома»

честный частный опыт, а не коллективная точка зрения, кулуарно сформированная, по определению нечестная и непродуктивная. Если знаешь о его подлинном масштабе, совсем по-иному воспринимаешь многочисленные киноэпизоды. В картине 1974 года «Пятёрка за лето» Броневой играет повара из пионерского лагеря, который неизменно изъясняется стихотворными строками: «Вот тут курявый мальчик приходил. / Он, помнитесь, посуду приносил. / И здорово помог мне у плиты. / Хороший паренек, не то что ты!» Ему идут и сугубо земная профессия, и поварской колпак, и сарказм, перемешанный с назидательностью. Конечно, жаль, что в лучшие годы ему так и не предложили в кино материал, где, выйдя на первый план, он разыграл бы свою заветную тему в качестве протагониста.

Ссылки на внешность «второго плана» не вполне правомерны: вышел же Никита Михалков возможность для героического проявления Александра Калягина в «Неоконченной пьесе...». В своих самых знаменитых картинах Броневой выступает заземляющей парой природного премьер, Вячеслава Тихонова, Олега Янковского или Олега Меньшикова. Тем удивительнее результат: блистательные исполнители центральных ролей остаются при всех своих лучших качествах, но рядом упрямо и с полным осознанием своего права на твердый голос, особое мнение и значительную судьбу транслируют собственную правду персонажи Броневой.

Чем дальше, тем очевиднее становится красота этих образов и воплотившего их человека — артиста, изменившего поведенческие, профессиональные и даже антропологические стандарты.

деяться. Быть предельно внимательным, ответственным и честным. Леонид Сергеевич воплотил здесь этический кодекс только что сформировавшегося массового горожанина. Советская власть нервно держалась за коллективную волю, в том числе партийную, за коллективную ответственность и, будем честны, за традиционную общинную психологию, которая была ей выгода. Потому предъявить кодекс горожанина, кри-

дальная и, что называется, «вечная» работа, сделана актером с парадоксальным ключом. Романтик Костик, в сущности, не растет, лишь механически перебирает подружек и головокружающего обаяния речевые эскапады. Зато стареющий Велюров активно накапливает впечатления, психологически развивается: всякий раз, будучи задет или обижен, ныряет в свою психологическую бездну, проводит работу над ошибками, добиваясь

Марк Захаров: «Броневой работал с режиссерами, как Иван Грозный с сыном на известной картине»

Елена ФЕДОРЕНКО

Броневой был из старой легендарной плеяды звездного «Ленкома», хоть и попал в нее уже известным актером. Казаюсь, пока Броневой здесь — все в порядке. На сцену Леонид Сергеевич выходил практически до последнего.

Однако уже осенью, когда перед сбором труппы возле Броневой выстроился ряд корреспондентов, он тихим голосом сказал: «Не снимайте, прошу, не жулики не видите, я болен, мне очень-очень плохо». Почти умоляющий тон человека, всегда закрытого, с непростым характером и резкой речью, пронзил до оторопи. Раньше бы Леонид Сергеевич «отшил» навязчивых журналистов с той пылкой и яростной силой, которая всегда оставалась любящей и любящей.

Но силы покидали. Броневой пришел в «Ленком» на пороге своего шестидесятилетия, без малого тридцать лет назад. До этого служил в Театре на Малой Бронной. Не понаслышке знал и провинцию, работал в труппах Магнитогорска и Воронежа, Грозного и Иркутска. Завоевать столицу оказалось непросто: показы в театры успеха не имели. Спасала невозможная ироничность, она-то и стала основой его блистательных актерских образов. За профессиональные скитания и трагедии ранних лет (арест отца, положение сына «врага народа») судьба вознаградила щедро, подарив уникальное счастье оказаться среди тех, кто во многом определял эстетический мир двух таких несхожих миров, как театр Анатолия Эфроса и театр Марка Захарова. На этих планетах Броневой сыграл разные и непохожие роли, и только перерезавший жених-неудачник Яичница — такой гротесковый и острый в захаровской «Женитьбе» — заставлял вспомнить мучительно страдающего обиженного героя из голливудского спектакля Эфроса.

Броневой жил вне суеты — частой спутницы служителей Мельпомены. Актером был от Бога, с невероятной врожденной органикой, без ампулы и с редкой палитрой полутонов. Брал внимание зрителей с первой минуты, с первого шага. Появлялся на сцене, заполнял собой все пространство, и казалось, что остальные персонажи вышли на подмостки для того, чтобы только ему подыграть. Хотя главных ролей и титульных героев в его послужном списке не встречалось, все больше характеры второго плана, а то и эпизодические. Никому не нужный отец в «Плаче палача» сам себя уговаривал, что жизнь вполне хороша, горестно обращаясь к сыну с просьбой остаться, зная, что тот все равно непременно уйдет. Герои Броневой, даже самые нелепые, все знают наперед, но упрямо пытаются договориться с судьбой. Отставной генерал, проницательный ортодокс Крутицкий

из «Мудреца» видит всех насквозь и просчитывает, как их использовать при неминуемом реванше. Вообще Броневой обладал необыкновенной житейской непросто: показы в театры с удивительным уважением к происходящему с его персонажами. Каждая фраза лорда Норфолка из «Королевских игр» подавалась снайперски точно, как реприза. Клоуновское комикование вдруг прорастало драматической болью, а самый крошечный эпизод становился беснефисным. Фирс, шамкающий про вишню, которую в прежние годы и мариновали, и даже мочили, повторяет и повторяет одно и то же, а получается — передает опыт жизни. Сам-то давно понял все о человеческих ценностях. Ну просто валяжничать генерал на пенсии, равнодушный к суете, а никакая не лакей.

Броневой всегда играл неторопливо. Не надрывал голоса, не хлопотал лицом, не старался понравиться, слова из его уст слетали вроде бы как без усилий. Но за каждой ролью — титанический труд, непримиримость и истовость, от которых страдали партнеры. Все его образы яркие, какой ни возьми, проходного не встретишь. Реплики словно взвешивал на своих внутренних весах, придавал им форму, добавлял природного скепсиса и делал их своими. Идеальный проводник режиссерского замысла, он нигде не терял своей индивидуальности и был узнаваем сразу — не только по внешнему облику с «броневым» прищуром, по неповторимому голосу и лукавым интонациям. Когда-то, посягая в «Ленком», Броневой решил, что участвовать будет только в спектаклях Захарова. Слово сдержал. И сожалел, что встретился с Марком Захаровым так поздно, знавал его первым среди лучших, годы в «Ленкоме» считал самыми счастливыми. Броневой пе-

редавал замысел мастера с исключительной точностью. Не знаю, понимал ли полуслова или в результате долгих репетиций — ведь пошутит-то Захаров не случайно: «Леонид Сергеевич с режиссерами работает, как Иван Грозный с сыном на известной картине Репина». Во всяком случае, Броневой чувствовал причудливые и филигранные формы ленкомовских спектаклей, захаровский юмор, то печальный, то отчаянный. А Марк Анатольевич любил с ним работать. Думаю, потому, что от актёра, внутренне пластичного и музыкального, шло творческое и человеческое соучастие. «Мы встретились на фильме «Тот самый Мюнхгаузен» давно понял все о человеческих ценностях. Ну просто валяжничать генерал на пенсии, равнодушный к суете, а никакая не лакей.

Броневой всегда играл неторопливо. Не надрывал голоса, не хлопотал лицом, не старался понравиться, слова из его уст слетали вроде бы как без усилий. Но за каждой ролью — титанический труд, непримиримость и истовость, от которых страдали партнеры. Все его образы яркие, какой ни возьми, проходного не встретишь. Реплики словно взвешивал на своих внутренних весах, придавал им форму, добавлял природного скепсиса и делал их своими. Идеальный проводник режиссерского замысла, он нигде не терял своей индивидуальности и был узнаваем сразу — не только по внешнему облику с «броневым» прищуром, по неповторимому голосу и лукавым интонациям. Когда-то, посягая в «Ленком», Броневой решил, что участвовать будет только в спектаклях Захарова. Слово сдержал. И сожалел, что встретился с Марком Захаровым так поздно, знавал его первым среди лучших, годы в «Ленкоме» считал самыми счастливыми. Броневой пе-

Последним появлением Броневой на сцене стал маленький выход в «Дне опричника». Князь Собакин торжественно выезжал в инвалидном кресле и с фирменным феерическим сарказмом, устало опустив веки и кончики губ, произносил в телефонную трубку несколько реплик. В спектакле, наверное, можно было без них обойтись. Но как обойтись без самого Броневой?

1 Кредов: В начале 1920-х десятилетия Белого движения в эмиграции засели за мемуары. Кто-то делался больше, а кто-то пытался оправдать свои ошибки и преступления. Их труды ныне принимаются на веру. Достаточно упомянуть книгу Сергея Мельгунова «Красный террор в России». Она уважительно цитируется в учебниках — классика, по сути.

культура: Предположим, имеется некая объективная история ВЧК и революционного террора. Фантастика, но допустим. И вот наш современник открывает ее... Чему он удивится? От каких стереотипов ему придется отказаться?

Кредов: Давайте по порядку. Итак, вечером 7 (20) декабря 1917 года Совнарком принимает решение о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Вопрос значится девятым в повестке дня. После восьмого заседания покидают Ленин, Троцкий, Свердлов и другие «тяжеловесы», за исключением Сталина и наркома внутренних дел Петровского. Оставшиеся принимают решение о создании ВЧК. Мелочь, но она подтверждает: мало кто тогда предполагал, что рождается главная спецслужба страны.

культура: Зачем ее создавали?

Кредов: Мотивировку дал Ленин в письме Дзержинскому утром 7 декабря (решения тогда принимались быстро). Большевики после Октября столкнулись с неожиданными для них проблемами. Вооруженная контрреволюция оказалась не такой уж опасной. Поход Керенского и Краснова на Петроград быстро провалился. Революционеры десятилетиями готовились к боям на баррикадах, а выяснилось, что власти «валются на улице», как тогда говорили. Хочешь занимать учреждения? Занимай! Но — пустые учреждения. Персонал «в отпуске» или не спешит тебе подчиняться, ожидая, что через неделю-другую тебя скинут. Банкиры, разумеется, отказываются выдавать деньги по запискам некоего «председателя Совнаркома» (кто такой?) Это называлось саботажем. А большевики как не понять? Их правительство утверждало II съездом Советов. Надо заготовить продовольствие, платить зарплату служащим и так далее. Старый аппарат тебя не признает, а нового пока нет. Такая существовала коалиция. Это с одной стороны. А с другой — Петроград захватила волна винных погромов, бандитизма. По городу ходили тысячи вооруженных людей, неизменно кому подчинявшихся. Скажем, 4 декабря в столице было зарегистрировано свыше 600 опасных уголовных преступлений. Поэтому Ленин в записке Дзержинскому и предложил «авинуть» декрет о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками. ВЧК не мыслилась тогда органом по расправе с политическими противниками.

культура: Быстро Дзержинский стал тем, о ком слагали потом легенды?

Кредов: Быстро не получилось. Существовали органы внутренних дел, революционные трибуналы. «Гвардией» большевиков, латышскими стрелками, руководил управделами СНК Бонч-Бруевич. В Смольном действовала так называемая «75-я комната» — именно сюда на переговоры приводили видных саботажников и контрреволюционеров. Когда непредвзято изучаешь события первых месяцев после Октября, хочется воскликнуть: «Ау, где ты, всемогущая ВЧК?» Возьмем 1918 год. Покушения на Ленина в начале января пытаются расследовать Бонч-Бруевич. Он же вместе с латышскими стрелками обеспечивает сверхсекретную операцию — переход правительства в Москву в марте. В новой столице чистятся освобождаясь от обаяния от анархистов, но опять же — при силовой поддержке латышей. В расправах над бывшим царем и его родственниками на Урале сотрудники ЧК сколько-нибудь заметного участия не принимали. И так далее — практически до конца лета 1918-го. Да, к тому времени чистки провели несколько сложных операций. Но на их счету были и провалы. Мятеж левых эсеров в июле сошел фактически в недрях ВЧК. А 30 августа подслеповатая террористка Каплан чуть не убила Ленина. Диву даешься: как спецслужбы могли пропустить покушение? Чекистам известно об опасных заговорах, из Питера только что пришло известие об убийстве Урицкого. А вождем революции ходит по митингам без охраны.

культура: Нехорошо, Сергей Александрович, принижаете роль ВЧК в столетнюю годовщину создания организации.

Кредов: Мы же листаем «объективный учебник». В апреле 1918-го была такой случай: в Курске на заседании губисполкома его председателем огласила телеграмму, предписывающую создать в губернии орган ЧК. Говорит: «Подписана Дзержинским. А кто это такой, я не знаю!» То есть весной 1918-го еще не все главы регионов слышали о Железном Феликсе.

культура: Но разве не сотрудник ЧК Мясников в июне организовал убийство Михаила Романова в Перми? Сыграл историческую роль.

Феликс Дзержинский среди ответственных работников ВЧК. 1919

Сергей Кредов: «ВЧК не была Всесильной»

Кредов: Это характерный для того времени эпизод. Мясников, человек с богатым революционным прошлым, возглавлял Совет в пригороде Перми — Мотовилихе. Он решает распорядиться с Михаилом, находящимся в ссылке на Урале. Мясников «сам себя» направляет на работу в пермскую ЧК. Так ему проще было осуществить замысел. После убийства возвращается на прежний пост в Мотовилихе. Правду о том, что произошло в Перми, в Москве узнали только через три недели. Уральские «анархо-коммунисты» поставили руководство партии перед фактом. Они ведь не воспринимали московских большевиков как начальство. Замечу, корни произошедшего на Урале с другими Романовыми исследованы недостаточно. Но это отдельная тема.

культура: Провинциальные ЧК в 1918 году позволяли себе самоуправство?

Кредов: Да и позже они зачастую больше зависели от местной власти, чем от центра. Дзержинский — далеко, а начальство — рядом. И кровные враги тоже под боком. С 1919 года органы ЧК на Украине несколько месяцев возглавлял Ладис. Ленин так охарактеризовал его работу: «ЧК на Украине принесла тьму зла». Ладис обратился за поддержкой к Дзержинскому. А тот ответил: «Товарищ Ладис, работа на Украине, вы перед нами не отличались, мы не знали толком, чем вы там занимаетесь». Мол, сами терпеть и оправдывайтесь.

культура: Но все же ВЧК стала главной спецслужбой страны. Когда?

Кредов: Роль комиссии Дзержинского усиливалась по мере того, как раскручивался маховик Гражданской войны. Она резко возросла с принятием 5 сентября 1918 года постановления СНК «О красном терроре». Но и дальше все складывалось для ВЧК не просто.

В большевистском руководстве часто ставился вопрос о том, что комиссии надо лишить карательных функций. За это ратовали в основном конкуренты ВЧК из системы ревтрибуналов, органов внутренних дел. Дискуссии велись даже на страницах «Правды». В конце 1918-го, когда казалась, что Гражданская вот-вот закончится, зазвучали предложения вообще ликвидировать комиссию, как минимум — подчинить ее НКВД. Потом вновь разгорелась война, и споры стихли. Так происходило не раз. Весной 1919-го Дзержинского назначили наркомом внутренних дел, а его предшественника Петровского отравили на Украину. Конкуренция между ведомствами завершилась. С этого момента Феликс Эдмундович стал самым влиятельным силовиком страны.

культура: Существуют две точки зрения. Одни исследователи, вслед за историком-эмигрантом Мельгуновым, утверждают, что большевики, едва придя к власти, развязали террор. Другие доказывают, что первые месяцы после Октября были мирными и бескровными. Кто из них прав, на Ваш взгляд?

Кредов: Мельгунов высказывал обе точки зрения. Его книга «Красный террор в России» создавалась под определенную задачу. Будучи в политике крайним радикалом, он выступал за полную международную изо-

ляцию Советской России. С этой целью стремился доказать, что власть большевиков была террористической изначально. Но после Мельгунова остались и дневники. Из них мы узнаем нечто иное. Например то, что в августе 1918-го антисоветская организация «Союз возрождения», куда он входил, собиралась в Москве открыто, не опасаясь «слабой ВЧК». Наш историк, между прочим, был стопроцентным террористом — он доставал деньги для организаций Савинкова, прекрасно зная, какие диверсии те готовят. Сергею Петровичу повезло, что он унес ноги из Советской России.

Надо разделить положение в центре и на окраинах. В ряде регионов сразу вспыхнули пожары взаимной ненависти. Кровь лилась на Дону, в Ростове, Крыму, а также в Финляндии и на Украине, где пересекались интересы воюющих держав. А в Петрограде и Москве (после завершения октябрьских стучек) новая власть демонстрировала миролюбие. Многие известные контрреволюционеры были прощены и отпущены под обещание не воевать с Советской властью. Скажем, в «Крестах» отбывал наказание известный черносотенец Пуришкевич, уличенный в организации заговора офицеров. В апреле 1918-го его отпустили из тюрьмы ухаживать за заболевшим сыном, а в мае и вовсе освободили по амнистии.

Для сравнения: в то же время на Дону белоказаки повесили руководителей Советской Донской республики Подтелкова, Кривошлыкова и еще почти 80 их соратников-казаков. Этот эпизод документально описал Шолохов в «Тихом Доне». Такой разной была страна.

В столицах запахло террором после мая 1918-го, когда в Поволжье восстал чехословацкий корпус. Стало ясно: будет большая война.

культура: Откроем самую мрачную главу нашего «учебника»?

Кредов: В постановлении Совнаркома от 5 сентября говорится, что в сложившейся ситуации «обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». За два месяца, что действовал документ, в Москве и Петрограде были расстреляны порядка 800 человек — в основном представители имущих классов. С моральной оценкой этой политики все ясно. Хочу обратить внимание на некоторые нюансы. Среди большевиков было немало гуманных людей. Но и они тогда не осуждали этих мер (стали ратовать за их отмену позднее). Почему? Потому что понимали: если фронт рухнет и белые войдут в столицы, то на фонарях висеть все — и «жесткому» Дзержинскому, и «мягкому» Луначарскому. Фоном этих соображений была мировая война. Там гибло на порядок больше людей. Война была настолько страшна, что она, казалось, оправдывала любое насилие: белое, красное, зеленое... Своим критикам с Запада вожди большевиков отвечали: мы убили несколько сотен для спасения революции, страны, а вы убиваете сотни тысяч ради того, чтобы капиталисты набивали свои карманы. Возразить на это было трудно.

культура: Можно ли сравнить масштабы расправ, творимых красными и белыми? Одного ли порядка эти явления?

Кредов: Мельгунов — а вслед за ним и многие историки — исповедовал простую мысль. По его утверждению, белый террор — это отдельные эксцессы на местах, которые командование не могло пресечь, но осуждало. А красный террор насаждался сверху, являясь частью государственной политики. Что тут сказать? В начале февраля 1918-го добровольцы Корнилова отравились в Ледяной поход с Дона на Кубань. Командующий перед выходом отдал распоряжение: «Пленных не брать!» Это разве не террористический приказ? Он прозвучал задолго до выхода декрета СНК. Получается, что белый террор на семь месяцев старше красного. Корниловцы три месяца не вылезали из боев, после каждого расстреливали десятки пленных. И Колчак, и Деникин, и Врангель отдавали приказы не брать в плен коммунистов, а их в стране насчитывалось 300 тысяч, включая тех, кто занимался сугубо мирными и гуманными делами. Расстреливали действительно всех большевиков. Плюс к тому — деятелей местных Советов, независимо от их партийности, участников земельных переделов, инородцев... С полмиллиона наберется тех, кого белые собирались убить, но им просто не дали этого сделать. И другие данные свидетельствуют, что белый террор — это далеко не только «эксцессы».

Теперь вернемся в лагерь красных. Их политику нельзя сводить только к террору. Она была разная. Осенью 1919 года белые вновь подступили к Москве. В этой тяжелой ситуации ЦК партии внес специальное решение, обязывающее органы ВЧК работать в «обычном режиме», не прибегая к практике годичной давности. Комиссия Дзержинского была уже квалифицированной организацией — она справилась. В январе 1920-го ВЦИК и СНК РСФСР провозгласили, что органы ВЧК отказываются от применения высшей меры (расстрела). Этот мораторий действовал месяца четыре. Потом в Крыму укрепился Врангель, польские войска вторглись на Украину. Последовал новый виток насилия. Война не хотела уходить с нашей территории.

культура: Оценить уровень репрессий, осуществленных органами ЧК в годы Гражданской, наверное, сложно?

Кредов: Проще, чем кажется. Велась статистика. Учтем, что во время войны никогда не загнивают количество уничтоженных врагов — это же доблесть, ликвидировать их побольше. Так вот, в течение 1918 года органы ВЧК вынесли решения различной степени тяжести в отношении более 31 тысячи человек. Более шести тысяч из них расстреляны. В это число вошли не только «политические», но и бандиты, налетчики и другие категории опасных уголовников. В 1919-м статистика велась до середины года — динамика в целом сохранялась. Можно предположить, что затем расстрелов стало больше. Однако объявлялся и мораторий на смертную казнь. Исходя из этих расчетов, я, как и некоторые другие специалисты, предполагаю, что в ходе Гражданской войны органы ВЧК вынесли порядка 20 тысяч смертных приговоров.

культура: Назывались цифры другого порядка — вплоть до двух миллионов.

Кредов: Мы закрыли наш «объективный учебник» и вернулись к мифам? Приговоры выносили также и ревтрибуналы, и народные суды. Очень мно-

гих в Гражданскую скосили тиф, испанка, не считая тех, кого вывели в расхваченный «за ближайшим сараем». Отмечу важную вещь. Самым страшным явлением Гражданской войны был даже не «централизованный» террор, а так называемый «террор среды». Уровень насилия сильно зависел от местных условий. Скажем, на Украине были территории, где власть менялась десять и больше раз. Представьте город, который занимают попеременно немцы, белые, красные, петлюровцы, махновцы, поляки... Все жители будут ограблены, любой мало-мальски активный человек — уничтожен теми или другими. Помните, в «Тихом Доне»: Мишка Кошевой убил деда Гришаку, а Митя Коршунов в отместку убил мать Кошевой. Это какого цвета террор? Герои Шолохова, можно предположить, и не слышали фамилий Дзержинского или, скажем, Колчака.

культура: Почему в феврале 1922 года ВЧК была упразднена?

Кредов: Комиссия Дзержинского — дитя войны. С приближением мирного времени ее методы стали казаться архаичными. На ВЧК сыплются жалобы из промышленных ведомств, наркомата иностранных дел. В 1921 году Ленин, получив очередную жалобу на действия ВЧК, пишет, что поганых чекистов нужно привлекать к ответственности, если потребуется — расстрелять. А в 1918 году он говорил: «Хороший коммунист — это хороший чекист». Ленин поручает Каменеву и еще нескольким либерально настроенным большевикам подготовить меры по «сильному смягчению» деятельности ВЧК. В результате в 1922 году вместо нее создается Государственное политическое управление — ГПУ, которое возглавил тот же Дзержинский. Была

цель лишить организацию карательных функций. Эти намерения, как мы знаем, так и остались намерениями... **культура:** Давайте вспомним, что у главной спецслужбы страны — юбилей. Мы можем завершить разговор на позитивной ноте?

Кредов: Запросто. Желаям узнать о ВЧК в 1918–1922 годах больше я советую обратиться к первому тому сборника «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939», составленному группой авторов под редакцией А. Береловича и В. Данилова. В книге содержатся оперативные сводки, которые передавались в Москву с мест. Их читали Ленин и другие большевистские вожди. В этих документах сотрудники ВЧК предстают с неожиданной стороны — защитниками местного населения от злоупотреблений. Психологически это понятно. Предположим, живет чекист в прифронтовой полосе. Если местность захватят белые, он погибнет первым, если убежит — его расстреляют свои. Явных врагов Советской власти, конечно, надо ликвидировать, но с остальным населением ему необходимо ладить. Он больше других заинтересован в том, чтобы в городе или поселке наладилась мирная жизнь. Поэтому в своих донесениях в центр он рубит правду-матку: местные власти барствуют, продотряды лютуют, красноармейцы отбирают последних лошадей у крестьян, а у ремесленников — инструменты. Иногда дает советы, мол, в такой-то местности беспорядки прекратились, потому что там ведется примирительная политика в отношении духовенства. Эти сводки чекистов, несомненно, влияли на принятие решений в Москве. Полезное чтение для интересующихся Советую.

Чистые руки и горячие сердца

«Свой среди чужих, чужой среди своих»

За годы, прошедшие с момента образования ВЧК, у кинематографистов было достаточно времени для того, чтобы осмыслить, а затем и переосмыслить события эпохи, в которой была создана эта грозная организация. Самые известные фильмы о ЧК давно стали легендарными.

«Сокровища республики» (1964 год)

Москва, март 1918 года. ВЧК, сравнительно недавно переехавшая из Петрограда, выводит на след аферистов, продающих за границу ценные произведения изобразительного искусства. Для того чтобы полотно великих мастеров можно было с легкостью перевезти через границу, их маскируют: поверх старых картин злоумышленники рисуют «шедевры», которые при желании можно легко смыть. В это же время в столице работает группа спекулянтов, деятельность которой усложняет снабжение города продовольствием. В ходе расследования выясняется, что за разными преступлениями стоят один и те же люди.

Иван Правос — автор первой экранизации «Тихого Дона» и ряда других фильмов 20–30-х годов. «Сокровища республики» — одно из последних произведений мастера. Новая лента режиссера сразу же стала очень популярной. Специально для фильма была написана «Песня дзержинцев», в припеве которой звучат знаменитые слова Железного Феликса: «чистые руки, горячее сердце, холодная голова».

«Адьютант его превосходительства» (1970 год)

Пятисерийный телефильм, поставленный по мотивам одноименного романа Игоря Болгарина, на протяжении десятилетия оставался одним из самых популярных сериалов страны. За похождениями храброго красного разведчика Павла Кольцова в исполнении Юрия Соломина с огромным удовольствием следила вся огромная телеаудитория Советского Союза.

Начало картины относит нас в весну 1919 года, когда Павел Кольцов по заданию Всеукраинской ЧК внедряется в самое сердце Добровольческой армии: благодаря своей находчивости и удачному стечению обстоятельств он становится адьютантом командующего Владимира Ковалевского. В логове врага он проводит несколько удачных операций, всякий раз ускользая из лап контрразведки.

«Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974 год)

Дебютная работа Никиты Михалкова и в то же время один из самых известных и популярных истернов — боевиков о Гражданской войне в России. Исполнители главных ролей (Юрий Богатырев, Анатолий Солоницын, Сергей Шакуров, Александр Пороховщиков, Александр Кайдановский, Александр Калягин, Константин Райкин) со временем стали звездами советского кино.

Гражданская практически окончена, но по всей территории страны все еще орудуют многочисленные банды. Пятеро друзей, бывших красноармейцев, служивших новой власти в неназванном губернском городке, получают приказ ВЧК переправить ценный груз — реквизированное и буржуазии золото на сумму более полумиллиона рублей. Деньги нужны на закупку продовольствия для голодающих Поволжья. Но с самого начала все идет не так: золото ускользает из рук законной власти, и героям фильма предстоит предпринять невероятные усилия для того, чтобы его вернуть.

«20 декабря» (1982 год)

Этот фильм, снятый по сценарию Юлиана Семенова, стоит посмотреть всем, кто интересуется первыми днями становления Советской власти. Здесь есть все: создание народных комиссариатов, саботаж новой власти высшим чиновничеством, разгул бандитизма и винные погромы в Петрограде, провокации со стороны противников революции. Террорист Борис Савинков предстает в роли своего рода профессора Мориарти контрреволюционного Петрограда: по его воле чиновники саботируют, грабители — грабят, террористы совершают покушение на Ленина. Кстати, Михаил Козаков, исполнивший роль Дзержинского, и Владимир Головин, сыгравший его антагониста Савинкова, в 1983 году получили Государственную премию РСФСР имени братьев Васильевых. Также был награжден Кирилл Лавров (Ленин) — он получил первую премию за лучшую мужскую роль на Международном кинофестивале телефильмов в Пловдиве.

Сталь подчиняется покорно

ФОТО: ДЕНИС СОРОКИН/ТАСС

Екатерина САЖНЕВА
Челябинская область

Город русского булата и уникальных гравюр на стали, металлургии, изысканных гобеленов и летящего золотого конька, изображенного в алом гербе. У ворот национального парка «Таганай», того самого, из песни Олега Митяева, раскинулся Златоуст. Старинные секреты его мастеров до сих пор хранят на знаменитой Златоустовской оружейной фабрике. Новые поколения профессионалов из Мастерских декоративно-прикладного искусства «ЛиК» создают авторские шедевры по технологиям XXI века. Кто победит в итоге — традиции или современность? Можно ли их вообще сравнивать, попыталась разобраться «Культура».

Во всем блеске

Все сверкает в музее Златоустовской оружейной фабрики — ножи, сабли, картины, гравюры. Кажется, зажмуришь глаза, а это сияние все равно не прекратится.

«Существует несколько версий происхождения названия, — уверяет Ксения Кошелева, заместитель директора Центра развития туризма Златоустовского городского округа. — По самой популярной, он был наречен так в честь святого проповедника Иоанна Златоуста, по другой — назвали по светлом устью реки, на которой был построен».

Город стоит на берегах реки Ай. По-башкирски — лунная, звучит очень поэтично.

Но есть и еще одно вполне логичное объяснение, почему он так назван. С начала XIX века этот край был известен как один из крупнейших центров золотодобычи в России, начавшейся на Миасских приисках. Крупнейший в империи золотой самородок «Большой треугольник» весом 36 с лишним килограммов был также найден неподалеку.

В 1815 году Златоуст превратился в один из центров военного производства — здесь открылась Оружейная фабрика, которая существует и поныне, пережив войны, революции, крах империи и возрождение России.

«А знаете ли вы, что делать знаменитую златоустовскую сталь и ривануть на клинках русских мастеров научили немцы?» — задает вопрос с подвохом Майя Владимировна Авдошина, директор музея Оружейной фабрики. Она готова объять необъятное и за короткое время повесть всю историю здешнего уникального промысла. От альфы до омеги. Про все двести два года его существования — если точно.

«Немецкие специалисты из Золингена и Клингентала потянулись в далекую Россию за длинным рублем. На их родине в Германии как раз начался экономический кризис. Жалованье, которое предлагали иностранцам у нас, в десять раз превышало заработок уральских коллег — две тысячи рублей против двухсот. Одним из тех, кто прибыл в нашу страну, был известный мастер по украшению клинков Вильгельм Шаф. Считалось, равных ему нет. Никто и представить себе не мог, что уральские ученики очень скоро превзойдут своих иностранных учителей», — продолжает рассказ Майя Авдошина.

«Про наших златоустовских славян сплетка пущена, будто они мастерству у немцев учились. Привезли, дескать, в завод столько-то немцев. От

них здешние заводские и переняли, как булатную сталь варить, как ривануть и насечку делать, как позолоту наводить. Только этот разговор в полонинку уха слушать надо, а в другую полонинку то лови, что наши старики сказывают. Кто у кого учился», — сказал Павла Бажова об Иванко-Крылатко, золотом коньке на гербе Златоуста, не выдумка, не сказка, а истинная быль.

Чтобы получить благословение на свадьбу с любимой девушкой Оксентой и доказать, что он ее достоин, молодой фабричный художник Иван Бушуев придумал оригинальный рисунок на сабле — бегущего коня, по совету невесты пририсовав к его туловищу крылья. Мастера-немцы ту задумку высмеяли, но зато казачий генерал, прибывший в Златоуст с царским поездом, работу пареняка выдвинул из всех. Стал Бушуев со временем знаменитым спецом по металлу, женился на своей суженой, получил прозвище «Крылатко».

Что в этом сказе правда, а что — вымысел, кто знает... Но конек и поныне главный символ Златоуста, его основная туристическая достопримечательность. А многие потомки пришедших немецких оружейников до сих пор живут в этих краях. Например, художественный руководитель известного челябинского ансамбля «Ариэль» Ростислав Олегович Тепп.

«Корыбалка» или кисточка?

Но не одним оружием жив Златоуст. История города богата гениями. Один из них, Павел Аносов, — химик мирового уровня, человек, открывший секрет русского булата, металла с различными добавками, новыми элементами, придающими ему другие качества и свойства, крепость и доблесть, если, конечно, металл можно характеризовать такими человеческими категориями.

«Чем отличается обычная металлургия от качественной?» — снова с пристрастием спрашивает Майя Авдошина. Сконфуженно развожу руками. «Тем же, чем рабочая столовая отличается от ресторана. Знаменитые металлургические гиганты варят сталь в одном котле для всех, Златоустовская же оружейная фабрика всегда оставалась изысканным рестораном. Она изготавливала сталь по заказу, маленькими порциями, как знаменитый шеф-повар создает свое фирменное блюдо для избранных».

Еще один уникальный местный промысел, идущий с тех времен, — златоустовская гравюра на стали. В месяце на фабрике выпускают примерно полторы тысячи подобных изделий.

«У иностранцев был свой метод гравировки по стали, который наши усовершенствовали», — объясняют специалисты. — Немцы брали кислотопорный лак, наносили его на металлическую поверхность особым образом, а затем тонким острым иголкой или резцом начинали процарапывать по металлу рисунок».

«Хотите тоже попробовать?» — спрашивают у меня. Естественно, соглашаюсь. Интересно, каким из способов, русским или прусским, получится лучше? И чем они отличаются? Немецкая «корыбалка», так эту штуковину шути называют, похожа на

ФОТО: АЛЕКСАНДР КОНИКОВ/РИА НОВОСТИ

обычный карандаш с металлическим концом. Пытаюсь нацарапать острием новогоднюю елочку. Если честно, получается не очень, косо и криво — способностей не хватает.

А рядом на столе лежат уже завершенные эталонные металлические картинки. На них одинаковый уральский пейзаж: горы, река, березка. Тихая моя Родина. Но один рисунок получился словно в негативе, другой — матово-серый, третий — будто его в золото окунали, а последний — раскрашенный глубокой синевой. Это и есть оригинальная русская техника. «Мы не иголкой царапаем, а рисуем по лаку кисточкой», — поясняют московскому журналисту суть вопроса специалисты.

Дело в том, что декоративная отделка гравюры состоит из нескольких этапов покрытия гальваническим методом: первый этап — травление металла, он необходим для получения темных оттенков; второй — никелирование, заключается в нанесении покрытия для итогового светло-серого фона; третий — золотопорный лак, наносили его на металлическую поверхность особым образом, а затем тонким острым иголкой или резцом начинали процарапывать по металлу рисунок».

«Хотите тоже попробовать?» — спрашивают у меня. Естественно, соглашаюсь. Интересно, каким из способов, русским или прусским, получится лучше? И чем они отличаются? Немецкая «корыбалка», так эту штуковину шути называют, похожа на

мических реакций, уральские мастера полностью подчинили себе металл.

Нож в масштабе 1:30

Нынешний генеральный директор Оружейной фабрики и почетный гражданин Златоуста Валерий Томя — чулак-человек. Собирает перочинные ножи. Хранит их в специальной витрине под стеклом в кабинете, демонстрирует всем желающим. Но и кроме коллекции ему есть чем гордиться.

К 200-летию Оружейной фабрики, то есть два года назад, была выпущена почтовая марка России, посвященная истории предприятия. Тираж — 306 тысяч экземпляров.

«Я таких заводов, как наш, в мире больше не знаю, чтобы изготовляли одновременно холодное оружие и гравюры из стали, — мы единственные», — отвечает директор. Секретов производства не выдает, как и имен тех людей, кто эксклюзивно заказывает их изделия.

«Не так много любителей оружия покупают у нас кинжалы, но всегда напрямую известно, кто будущий владетель», — продолжает он. — Знаю, что Фиделю Кастро подарили шпагу нашего производства. Сейчас делаем набор экспериментального холодного оружия для одного очень влиятельного человека на Востоке. Изделия будут украшены по спецзаказу бриллиантами, платиной, золотом, серебром, драгоценными камнями. Каждый рисунок по стали заказчиком обговаривается заранее».

В «Ассортиментном кабинете» Златоустовской оружейной фабрики насчитывается около четырех тысяч экспонатов. Все, что когда-либо вышло из этих стен. Что стало ее славы и историей, начиная с 1839 года, с первой сохранившейся сабли.

сунка кажется каким-то игрушечным и совсем не страшным. «Кто-то говорит, что это китч, а мне на выставке в Санкт-Петербурге за него предлагали 250 тысяч евро», — признается Валерий Томя.

Знаменитый черный нож — с такими наших солдат отправляли на фронт. «Про него сложены легенды, этим оружием были оснащены добровольцы Уральского танкового корпуса. Фашисты так боялись бесстрашия наших земляков, что даже называли их «дивизией черных ножей», заодно надевая мистическими свойствами и сами клинки», — рассказывает директор музея Майя Авдошина.

Восьмиметровый нож-макет однажды сделали в масштабе к оригиналу 1:30, выпадали частями, в итоге собрали воедино при помощи специальных креплений. Трудился практически круглосуточно.

Из прежних самых знаменитых реликвий — шашка для Леонида Брежнева, инкрустированная драгоценными камнями, разрешение использовать которые давали в самом Минфине СССР. Из новых раритетов — кинжал и меч, украшенные крошечными осколками недавнего челябинского метеорита.

Экземпляров в коллекции хватает. Но новые идеи не помешали еще никому.

«Мы хотим провести федеральный конкурс эскизов для наших будущих изделий, чтобы в нем участвовали мастера со всей России, — делится своей мечтой директор. — Творчества, если честно, хочется побольше. Ведь художники — штурмовые подразделения, особенно талантливые. Это как найти золотой самородок на прииске».

Светлый лик дарохранительницы

Оружие. Металл. Но что совсем неожиданно — изысканные иконы-гобелены. И роскошная дарохранительница главного алтаря Храма Христа Спасителя, уникальная часовня для религиозных обрядов, изготовленная из натурального камня и драгоценного серебра.

Иногда бываю совсем неожиданные работы — например, тарелка с изображением Майкла Джексона, которую специально повезли на выставку в США. Из других творений — более обыденных, но совсем недорогих — письменные принадлежности натурального уральского камня, которые их создатели постоянно видят по телевизору во всех властных кабинетах, от президента до губернаторов. Уникальный «Щит и меч

Победы» на Поклонной горе, коллекция из трехсот офицерских кортиков к 300-летию российского флота, Кубок чемпионата Европы по боксу и награжденные пояса спортсменов, чаша «Федеральная» как новый символ государственной власти... И многое, многое другое.

За выдающийся вклад в культурное и экономическое развитие России Мастерские «ЛиК» даже получили значимую общественную награду — «Российский национальный олимп».

Домны давно уже нет, мартовские печи ушли в историю. Сегодня в Швеции даже знаменитую дамскую сталь создают ускоренным порошковым методом. Так проще, так дешевле.

XXI век на дворе. Время эрзацев и подделок. И если уж искать талантливых самоучек, то только в глубинке, на Урале, столице русского булата, где мастерство по-прежнему передается в наследство от отца к сыну.

«У нас с Алексеем II сложились совершенно потрясающие отношения,

которые поддерживались до конца его жизни, — говорит заслуженный художник РФ Нина Лохтачева и сама проводит для меня экскурсию по коллекционному залу. — Мы, кроме церковной утвари, венков, скульптур, различных сосудов для богослужений из натурального камня, тоже изготавливаем коллекционное оружие, русское, европейское, восточное — какое пожелаете. Это современная авторская стилизация традиционных оружейных форм и их новых декоративных решений».

На вопрос, не тесно ли им в одном городе со знаменитой Оружейной фабрикой, не является ли она их прямым конкурентом, Нина Владимировна отвечает практически не задумываясь: «Да нет. Можно ли нас сравнивать? Мы такие разные, и это хорошо. Кому нужно настоящее боевое оружие, тот приходит за ножами и оружейниками, впрочем, у нас свои особые образцы тоже есть». Она показывает мечи в стеклянной витрине, они символизируют победу во Второй мировой войне, — этот заказ сделала правительство Российской Федерации в далеком 1995 году, к 50-летию Победы. Мечи получили название «Памяти и Благодарности», их преподнесли главам стран — союзниц СССР по антигитлеровской коалиции. Сейчас они хранятся в четырех великих музеях мира — Лувре, Библиотеке Конгресса США, Военном музее в Лондоне и Государственном историческом музее в Москве. «То, что вы видите в нашем коллекционном зале, это, конечно, дублеры, мы делаем их на всякий случай и затем оставляем у себя на память», — объясняет Нина Лохтачева.

ФОТО: ДЕНИС СОРОКИН/ТАСС

ФОТО: АЛЕКСАНДР КОНИКОВ/РИА НОВОСТИ

Роман Злотников: «Хочу, чтобы мой читатель стал более сложным человеком»

Нильс ИОГАНСЕН

Фантастика остается одним из самых любимых публикой жанров. Хотя «золотой век», когда творили Азимов и Ефремов, Стругацкие и Лем, давно в прошлом, историй о странствиях к звездам и путешествиях во времени выходит все больше. Однако кризис идей — проблема слишком явная, чтобы ее можно было игнорировать. Именно этому была посвящена прошедшая в Москве крутая встреча «Негромкий патриотизм», на которой российские литераторы обсуждали, какой должна быть сегодня приключенческая литература. О том, во что стоит верить современному автору, «Культура» беседовала с писателем Романом Злотниковым.

культура: Советская научная фантастика говорила об очень понятных идеалах. В книгах проповедовались познание мира, добро, прогресс, равенство и братство. Что в почете сегодня?

Злотников: То же самое. И неважно, каков сюжет — про людей или про орков, эльфов и гоблинов. Позитив преобладает, хотя некоторые изменения нельзя не отметить. Например, жанр умной научной фантастики как таковой сегодня умер — нет соответствующего образованного читателя. Но в целом, повторю, от советской фантастики мы не так далеко ушли.

культура: Где же тогда положительные герои, как Эрг Нюор Ивана Ефремова, — мужественные, умные, сильные и красивые?

Злотников: Сейчас все гораздо сложнее, чем было во времена СССР. В обществе существует некий веер идей — от ничем не ограниченной индивидуальности и вседозволенности до альтруизма и служения человечеству. На одном полюсе совершенно аморальная личность, ничем не ограниченная: «Я — вселенная, все остальные — прах под моими ногами», на другом — жизнь во благо людей, во имя процветания Родины и цивилизации в целом. Данко, условно говоря.

Хорошо это или плохо? Это реальность, в ней нам приходится жить. «Веер» есть, и от него никуда не деться. Другое дело, что с негативом нужно бороться, развенчивать отрицательные стереотипы. Но при этом не стоит забывать, что мир нарисован не только черной и белой красками. При всех положительных аспектах советской фантастики (да и всей литературы того времени) следует признать печальный факт — она не привила читателям иммунитета к плохому. И люди «повелись»: сначала на импортные шмотки, жвачку в цветных упаковках, а потом — на навязанную чуждую идеологию. Все это привело к развалу страны. Для того чтобы сопротивляться подобному развитию событий, нужны не идеальные герои. Ставка на самоотверженных Данко себя, к сожалению, не оправдала.

Да и не получится сегодня вернуться к «чистому позитиву» — его просто не примет. А запреты, попытки ограничить тот или иной пласт культуры, в том числе заведомо вредные, дадут отрицательный результат, прежде всего в среде молодежи.

культура: Ваши персонажи, хотя и сражаются со злом, достаточно жестоки. Почему?

Злотников: Без него. Но их идеология в целом полностью соответствует таковой у Эрга Нюора. По сути, они современные реинкарнации героя Ефремова, только в применении к нашему жестокому миру.

Если кратко — добро с кулаками, которое встанет на защиту Родины и человечества.

культура: Волей-неволей, но мы все равно приходим к теме государственной идеологии.

Злотников: Именно. Должна быть выстроена система, когда даже самый частный инвестор, вкладывающий деньги в культуру, все равно, так или иначе, был вынужден на нее работать — либо по собственному осознанному выбору, либо потому, что в противном случае он останется ни с чем. Тот же Голливуд может сколько угодно штамповать «кассовые» фильмы, но время от времени тамешные режиссеры выдают вполне себе «правильное» патристическое кино.

Но это, как говорится, высший пилотаж. Нам бы пока с государственными финансами разобраться. Вот вам отличный пример того, как должна работать система. В Санкт-Петербурге у компании Toyota есть сборочное производство, японцы активно участвуют в программах благотворительности. Однажды они выступили спонсорами фестиваля классической музыки. Глава представительства перед началом мероприятия вышел на сцену — там стоял роскошный рояль (они же его и купили) — и говорит: «Вот какой у него цвет замечательный, как раз в такой раскраске у нас модель Самгу выпускается, надо ее рядом поставить». Наши ему возражают: «Как же так? Тут высокое искусство, машине здесь не место». На что японец ответил: «Оплачиваем мы, значит, имеем право «заказывать музыку». И поставили!»

Власть должна действовать по тому же принципу. Если кто-то нашел деньги и что-то делает на них — пусть действует, как хочет, лишь бы при этом не нарушался Уголовный кодекс. Но когда осуществляется казенное финансирование — государство должно понять, что именно оно хочет и должно получить за свои деньги (и мои, ведь это наши с вами налоги). Иначе получается выстрел себе в ногу.

культура: Но ведь Вы, насколько я понимаю, никаких госконтрактов не имеете, а пишете вполне «правильные» вещи. В чем профит?

Злотников: В том, что я живу в России, это моя Родина, тут дом, тут дети. И я хочу, чтобы жизнь здесь становилась лучше, и мне соответственно тоже было лучше. Вот и действую в меру собственных сил. Совмещаю приятное с полезным — заработки от книг с патристической деятельностью, исходя из своего понимания того, как это должно делаться.

культура: Каким должен быть первый шаг к пониманию, о котором Вы говорите?

Злотников: Я считаю, стоит научиться задавать вопрос: работает ли то или иное произведение во благо страны или все-таки во зло? Даже это ясно далеко не всегда. Более того, в стране не существует системы табу на ряд важнейших «святых мифов».

культура: То есть Вы за введение цензуры?

Злотников: Нет. Просто в обществе должны присутствовать темы, на которые имеют право дискутировать лишь специалисты-историки. Так, возьмем 4 июля в США — считается, что в 1776-м в этот день была подписана Декларация независимости. Но дата более чем условна — это всем известно. Конкретно четвертого числа кворума не собрали, и визу свою поставили далеко не все делегаты — многие отказались. Потом долго бегали, искали всех людей, уговаривали и, наконец, все таки подписали. Со скрипом. Значит ли это, что нужно отменить праздник, ру-

шить сложившиеся каноны? Нет, не значит. В противном случае такими темпами можно до чего угодно договориться...

В любом нормальном государстве есть ценности, обозначенные общественным консенсусом как неприкосновенные. И все, кто на них нападает, автоматически зачисляются в маргиналы. Такова реальность Англии, Франции, США, Италии... Попробуйте сказать французам, что их Великая революция — не более чем восстание шаек бандитов, как это на самом деле было. Или англичанину заявить, что Оливер Кромвель — кровавый монстр с несомненными задатками маньяка (и это — факт). В обоих случаях вас просто закопают! Но в России не возбраняется вещать что угодно и с какими угодно последствиями. Можно все!

культура: И кто должен стать ограничителем вседозволенности?

Злотников: Сейчас я работаю над серией книг, главным героем которой — не сильная и цельная личность, а обыкновенный человек. Он просто хочет жить. Но так получается, что персонаж попадает в эпоху исторического перелома. И постепенно начинает понимать: для того чтобы лично тебе стало хорошо, нужно, чтобы было построено здоровое общество. Социальная ответственность, есть такое понятие. А для того чтобы влиять на формирование социума в свою очередь, необходимо обладать определенными качествами. То есть — стремиться стать элитой, но не в сегодняшней трактовке этого термина.

Элита — это те, на ком держится любое нормальное государство. Да, есть люди, которые его строят, защищают и продвигают: военные, ученые, инженеры, высококвалифицированные рабочие, крестьяне. Все те, кто осознал свои силы и возможности, кто имеет определенные таланты и, главное, силу воли для того, чтобы свой потенциал реализовать. Это не наследственная «каста», ее формируют так называемые «социальные лифты», которые дают возвыситься человеку вне зависимости от его происхождения. А когда элита превращается в прослойку потомственных дармоедов — как это было в Российской империи и в позднем СССР — государство рушится. Элита — не привилегия, а ответственность. Вот что осознает мой герой.

культура: Этот персонаж, судя по всему, очередной «попаданец» в другое время. Неужели жанр еще себя не изжил?

Злотников: Мне он по-прежнему интересен и как читателю, и как писателю. И не только потому, что хочется переиграть прошлое, как ставят в вину этому жанру критики. Это вовсе не «комплекс неполноценности за бездарно упущенные возможности» (часто либералы любят выражаться именно так). Я хочу, чтобы мой читатель стал более сложным человеком, в том числе подстегнуть его интерес к истории, чтобы он после прочтения книги засомневался: а так ли там Злотников все написал, не наврал ли? И полез в первоисточники, в научную литературу. В итоге его знания, как вы понимаете, вырастут.

Вдобавок, рассматривать те или иные исторические моменты понятнее с позиции современного человека, его глазами, его эмоциями. Поэтому альтернативная

история и «попаданчество» — не отыгранный жанр. Да и постоянные читатели совсем не против.

культура: Не секрет, что многие поклонники предпочитают бесплатно скачивать Ваши книги в интернете. Как Вы к этому относитесь, предпринимаете ли попытки защиты интеллектуальной собственности?

Злотников: Да, скачивают. Но многие из тех, кто их бесплатно прочел, потом пошли в магазин и приобрели бумажные издания. К тому же начали приносить прибыль и электронные версии книг. Наверное, действовать стоит все-таки не методом запретов и ограничений, а как-то иначе. В первую очередь, исходя из государственных интересов.

культура: Почему в Ваших книгах неизменно поднимается тема Империи — на Земле, в России, в иных пространствах и временах?

Злотников: Потому, что именно она способна наиболее полно реализовать способности человека, дать ему тот выбор, которого он заслуживает. В небольших государствах человек не имеет возможности стать, например, космонавтом, вулканологом или, скажем, капитаном атомного ледокола. В той же богатой и благополучной Голландии таких людей не готовят, да и не нужны они там. А в Империи они востребованы.

Это один аспект. Другой — мультинациональная и мультирелигиозная идеология, я ее приверженец. Раньше, кстати, это называлось иначе, просто — советский человек. Но за такой моделью, на мой взгляд, будущее. В масштабах Земли мононациональное и монорелигиозное государство точно невозможно.

культура: Какие новые книги вскоре нас ждут, о чем они будут?

Злотников: Снова «попаданец», в начале 20-х годов XX века. Совсем простой человек. Вся его жизнь — череда случайностей. И даже если у него что-то получается, то тоже нечаянно. Образование — так себе, ту же историю он знает гораздо хуже, чем сегодня пишут в учебниках. «Попаданчество» для него — трагедия. Он уже достиг своей мечты — уехал на ПМЖ за границу, но, как выяснилось, и там все не просто. Как говорится: «Не надо путать туризм с эмиграцией». И вот он вынужден выживать в иной стране и в иное время. Идея — изменение эпохи. Трансформация государства, а далее — и мира в целом.

Мой герой знает, что Сталин — крутой. Почему — он не в курсе. Точнее, вот так: кроме Иосифа Виссарионовича, больше ему никто в той эпохе неизвестен, собственно, это и есть для него главный показатель «крутости». Но кем был Сталин в 1921-м, персонаж даже не представляет. Проблемы, стоящие перед страной в начале 20-х годов, — тоже.

культура: И насколько близок сюжет к реальности?

Злотников: Как-то меня спросили: «Какая книга про «попаданцев» самая достоверная, честная?» Я ответил, что правильной не получится. Вообще книги не пишется. Всего два слова: попал — умер. Но так же неинтересно!

Соответственно нужны некие факторы, которые позволят герою выжить, так называемые «рояли в кустах». И тут ничего страшного. Не стоит забывать, что мы все как раз — наследники «роялей». При той жуткой детской смертности, которая была до начала XX века, выживало в совокупности около одного процента детей. Причем нет никакой заслуги наших предков в том, что именно эти дети выжили, а мы стали их потомками. Так получилось.

Открою еще одну тайну. У моего нового героя поначалу ничего не будет получаться — по совершенно объективным причинам: просто не может завод того времени произвести, к примеру, автомат Калашникова или Т-34 с комбашенкой (или без нее) даже при наличии точных чертежей. То есть я объясняю читателю, что такое уровень технологий, производственная цепочка, материаловедение, даю иную полезную информацию.

культура: После выхода романа «Урожденный дворянин» на форумах любителей истории моментально появились критические замечания: «Злотников начал нанимать негров». Сильно ругали. Справедливы ли упреки?

Злотников: Давайте прежде всего определимся с терминологией. «Литературный негр» — это человек, который пишет текст для кого-то, а заказчик ставит под ним свое имя. «Негр» у меня нет. Но некоторые книги выходят в соавторстве — на обложке две фамилии. И «Урожденный дворянин» написан вместе с Антоном Корниловым, поэтому там есть не только мои идеи, но и его. Я много всего слышал об этой книге и хорошем, и плохом, но считаю, что в целом она удалась. Своего читателя нашла, люди ждут и требуют продолжения.

история и «попаданчество» — не отыгранный жанр. Да и постоянные читатели совсем не против.

культура: Не секрет, что многие поклонники предпочитают бесплатно скачивать Ваши книги в интернете. Как Вы к этому относитесь, предпринимаете ли попытки защиты интеллектуальной собственности?

Злотников: Да, скачивают. Но многие из тех, кто их бесплатно прочел, потом пошли в магазин и приобрели бумажные издания. К тому же начали приносить прибыль и электронные версии книг. Наверное, действовать стоит все-таки не методом запретов и ограничений, а как-то иначе. В первую очередь, исходя из государственных интересов.

культура: Почему в Ваших книгах неизменно поднимается тема Империи — на Земле, в России, в иных пространствах и временах?

Злотников: Потому, что именно она способна наиболее полно реализовать способности человека, дать ему тот выбор, которого он заслуживает. В небольших государствах человек не имеет возможности стать, например, космонавтом, вулканологом или, скажем, капитаном атомного ледокола. В той же богатой и благополучной Голландии таких людей не готовят, да и не нужны они там. А в Империи они востребованы.

Это один аспект. Другой — мультинациональная и мультирелигиозная идеология, я ее приверженец. Раньше, кстати, это называлось иначе, просто — советский человек. Но за такой моделью, на мой взгляд, будущее. В масштабах Земли мононациональное и монорелигиозное государство точно невозможно.

культура: Какие новые книги вскоре нас ждут, о чем они будут?

Злотников: Снова «попаданец», в начале 20-х годов XX века. Совсем простой человек. Вся его жизнь — череда случайностей. И даже если у него что-то получается, то тоже нечаянно. Образование — так себе, ту же историю он знает гораздо хуже, чем сегодня пишут в учебниках. «Попаданчество» для него — трагедия. Он уже достиг своей мечты — уехал на ПМЖ за границу, но, как выяснилось, и там все не просто. Как говорится: «Не надо путать туризм с эмиграцией». И вот он вынужден выживать в иной стране и в иное время. Идея — изменение эпохи. Трансформация государства, а далее — и мира в целом.

Мой герой знает, что Сталин — крутой. Почему — он не в курсе. Точнее, вот так: кроме Иосифа Виссарионовича, больше ему никто в той эпохе неизвестен, собственно, это и есть для него главный показатель «крутости». Но кем был Сталин в 1921-м, персонаж даже не представляет. Проблемы, стоящие перед страной в начале 20-х годов, — тоже.

культура: И насколько близок сюжет к реальности?

Злотников: Как-то меня спросили: «Какая книга про «попаданцев» самая достоверная, честная?» Я ответил, что правильной не получится. Вообще книги не пишется. Всего два слова: попал — умер. Но так же неинтересно!

Соответственно нужны некие факторы, которые позволят герою выжить, так называемые «рояли в кустах». И тут ничего страшного. Не стоит забывать, что мы все как раз — наследники «роялей». При той жуткой детской смертности, которая была до начала XX века, выживало в совокупности около одного процента детей. Причем нет никакой заслуги наших предков в том, что именно эти дети выжили, а мы стали их потомками. Так получилось.

Открою еще одну тайну. У моего нового героя поначалу ничего не будет получаться — по совершенно объективным причинам: просто не может завод того времени произвести, к примеру, автомат Калашникова или Т-34 с комбашенкой (или без нее) даже при наличии точных чертежей. То есть я объясняю читателю, что такое уровень технологий, производственная цепочка, материаловедение, даю иную полезную информацию.

культура: После выхода романа «Урожденный дворянин» на форумах любителей истории моментально появились критические замечания: «Злотников начал нанимать негров». Сильно ругали. Справедливы ли упреки?

Злотников: Давайте прежде всего определимся с терминологией. «Литературный негр» — это человек, который пишет текст для кого-то, а заказчик ставит под ним свое имя. «Негр» у меня нет. Но некоторые книги выходят в соавторстве — на обложке две фамилии. И «Урожденный дворянин» написан вместе с Антоном Корниловым, поэтому там есть не только мои идеи, но и его. Я много всего слышал об этой книге и хорошем, и плохом, но считаю, что в целом она удалась. Своего читателя нашла, люди ждут и требуют продолжения.

Михаил Тырин: «Фантастике сегодня осталось социальное прогнозирование»

Августин СЕВЕРИН

XXI век оказался не таким, как было описано в главных фантастических книгах прошлого столетия. Звездолеты объединенного человечества не бороздят космос, мы так и не столкнулись с инопланетным разумом, не освоили и десятую часть предсказанных технологий, но зато далеко продвинулись в построении комфортной среды обитания и освоили информационные технологии. Кажется, что больше писать не о чем, и на полках книжных магазинов — истории о путешествии во времени и «стрелки». О сегодняшнем состоянии фантастической литературы и ее возможных перспективах «Культура» рассказал писатель, лауреат премий «Фанкон», «Аэлита», «Басткон», «Серебряная стрела» и «Роскон» Михаил Тырин.

культура: В последнее время нередко высказывается мнение о том, что научная фантастика как визионерский жанр исчерпала себя: технологии развиваются настолько стремительно, что даже самые смелые идеи превращаются в жизнь едва ли не раньше, чем об этом скажет писатель. С другой стороны, многие предсказания не сбываются. Это тупик?

Тырин: Я согласен с тем, что миссия технического прогнозирования, которую выполняла фантастическая литература, например, во времена Жюль Верна и позже, в эпоху Айзека Азимова, сейчас практически невыполнима: скорость научно-технического прогресса опережает любые фантазии. Дело не только в том, что авторы не в состоянии посмотреть за горизонт, но и в том, что все уже придумано. Сказать что-то новое чрезвычайно трудно. Поэтому фантастике сегодня остается социальное прогнозирование.

культура: Великие авторы прошлого нередко оказывали влияние на развитие науки и техники. Как Вы считаете, современным авторам это под силу?

Тырин: Думаю, да, это касается поиска путей развития общества — как в региональном, так и в планетарном масштабе. Они могут предсказать, а может быть, в какой-то мере и повлиять на модели выстраивания взаимоотношений между людьми, странами, способы воздействия правительств на своих граждан, методы влияния бизнеса на людей. Ведь в больших корпорациях очень неплохие мозги работают над тем, чтобы заставить обычного человека поступать так, как выгодно бизнесу. Во многом это было предсказано писателями-фантастами.

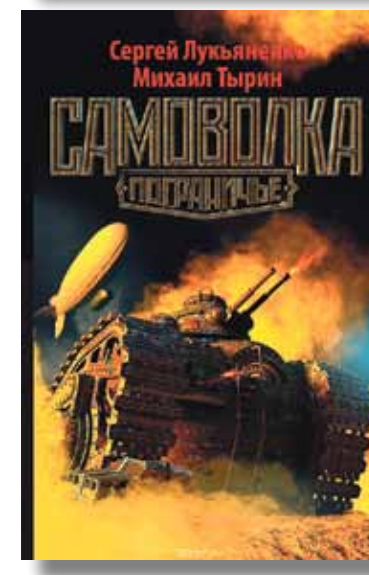
культура: Какие жанры, на Ваш взгляд, наиболее перспективны в плане прогнозирования будущего? Антиутопии, постапокалиптические романы? И что на сегодняшний день наиболее популярно с точки зрения коммерции?

Тырин: Эти два аспекта развития книжного рынка действительно очень важно различать: одно дело стугубо коммерческие проекты, и совсем другое дело — книги, которые вносят вклад в искусство, приносят пользу обществу, служат развитию интеллекта.

Что касается постапокалиптической литературы, то она уже и читателям надоела, и издателям от нее зевают. Сегодня предлагать им это не имеет смысла, издательства просят чего-нибудь нового. И, кстати, коммерческий успех книги определяется не только и даже не столько ее тематикой, сколько грамотным маркетингом: если на полке стоит серия книг, читатель, скорее всего, делает вывод, что раз она так раскручена, то это не случайно. Это как с фастфудом: чтобы не рисковать и не утомлять себя выбором, потребитель идет в тот ресторан быстрого питания, ассортимент которого ему хорошо знаком.

культура: Вы думаете, что именно благодаря грамотному маркетингу постапокалиптическая серия «Метро», несмотря на общее падение интереса к жанру, остается на плаву?

Тырин: Не думаю, что это удачный пример. В этом случае причина популярности все-таки не в продвижении. У меня на этот счет есть своя теория. Дело в том, что основной книжный рынок, хотим мы этого или нет, сконцентрирован в Москве. Люди здесь каждый день спускаются в подземку, они знают ее как свои пять пальцев, этот мир для них — неотъемлемая часть жизни, практически второй дом. Поэтому представить вселенную метро в другом, искаженном обличье — очень привлекательная модель. То есть, с одной стороны, это обычный апокалипсис, жанр, пик популярности которого уже позади. С другой — будучи перемещенным в локацию, которая читателю настолько близка, он отлично сработал.

ШИРМА. НАЧАЛО XVII В.

НЕБЕСНЫЙ ГЛОБУС. 1575

Вся португальская мощь

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК. ПОРТРЕТ СЕВЬОРЫ

СТРЕМЕНА (АВУМ). КОЕЧЕЙ XVI – НАЧАЛО XVII ВВ.

МУЗЕИ Московского Кремля представляют проект «Владыки океана. Сокровища Португальской империи XVI – XVIII веков», предлагая публике перенестись в эпоху Великих географических открытий и ощутить всю силу некогда великой державы. Из года в год в кремлевские палаты приезжают раритеты из знаменитых музеев и частных собраний, знакомящие зрителей с сокровищами монарших дворов Европы и Азии. В нынешней серии выставок португальская оказалась едва ли не самой экзотической. В ней смело переплетены Запад и Восток, ра-

боты мастеров Старого Света и отдаленных колоний. «Мы обратились к Португалии как огромной империи, оказавшей серьезное воздействие на самые отдаленные уголки земного шара, — говорит гендиректор Музеев Московского Кремля Елена Гагарина. — Впервые мы показываем на примере уникальных предметов, как повлияло на искусство, культуру и науку Старого Света явление португальцев в Африке, Индии и Южной Америке».

Под стать амбициозной задаче и набор экспонатов, привезенных не только из Португалии, но и с севера Европы. В проекте участвуют гранды: Британский музей, Музей Виктории и Альберта, Государственный Эрмитаж, ГМИИ им. А.С. Пушкина. Из ста сорока шедевров, рассказывающих о великолепии португальского двора в период глобальной экспансии империи, выделим несколько наиболее важных.

Сияние золота, алмазов и перламутра может затмить рукописный документ на

пергаменте, украшенный лишь буквицами и автографами — Тордесильяский договор 1494 года. Его называют первым в истории соглашением о разделе мира. Испанцы и португальцы жестоко соперничали на океанских просторах. Примирить противников призван был договор, разграничивавший сферы влияния между двумя странами. Согласно ему все земли, открытые примерно на тысячу морских миль к западу от островов Зеленого Мыса в Атлантическом океане, должны принадлежать Испании, а к востоку и юго-востоку — Португалии. Правда, сам «папский меридиан» позволил португальцам на законных основаниях завладеть гигантской Бразилией.

Именно отсюда, а также из Индии привезены россыпи алмазов и иных самоцветов, представленных на выставке. Ажурная корсажная брошь конца XVII века, усыпанная бриллиантами и предназначенная для подношения Деве Марии, превосходит изяществом строгие украшения более ранней эпохи. Впрочем, на

выставку стоит идти не только ради драгоценностей. Ученость прославила Португалию не меньше зримых сокровищ. Знание географии и астрономии, мастерство навигации позволили государству продвинуться далеко на Восток, к берегам Индии, Китая и Японии, равно как воцариться на просторах трех океанов. Национальный дворец королей в Синтре хранит небесный глобус работы мастера из Аугсбурга Кристофера Шисслера. Ценнейший научный прибор XVI века из золоченой меди с тонкой гравировкой — поразительный артефакт. В основе изображенных на нем фигур серия рисунков Дюрера «Образы неба».

В том же Аугсбурге около 1560 года создан еще один шедевр — золотой парадный доспех короля Испании Филиппа II. Могущестью правящий правитель унаследовал от императора Карла V Габсбурга обширные владения в Испании, Нидерландах, Италии и в Новом Свете. Роскошные латы — хрестоматия мифологических сюжетов, символов и аллегорий, передающих идею величия испанского монарха. В 1580 году, когда в Португалии пресеклась правящая династия, Филипп II взошел на престол Лиссабона. А к убранству доспеха добавили эмблемы португальского королевского дома. Парадное снаряжение стало воплощением Пиренейской унии (союза Испании и Португалии), а также безграничной власти короля, отныне владевшего заморскими территориями как в Восточном, так и в Западном полушарии, а также самым мощным в мире флотом. Правда, в 1640 году восстание в Лиссабоне положило конец унии и вернуло трон королю португальцу из новой династии Браганса.

Всюду признаки морской мощи Португалии: от астралабии 1605 года к серебряному галеону; от портрета адмирала

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК. ПОРТРЕТ АЛОНСУ ДАЛВЕЙРЕСА, ВЕЛИКОКОРЮБЫ ИНДИИ. 1545–1548

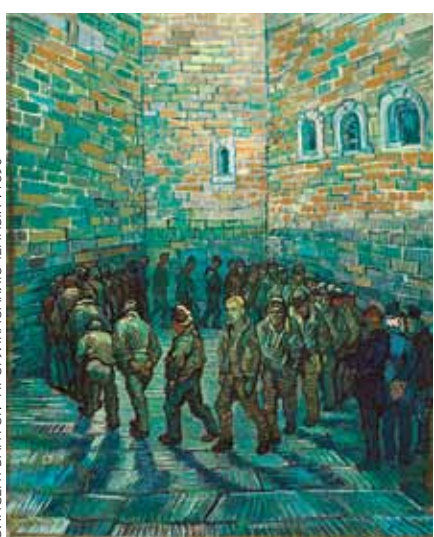
ПЬЕР-ОГЮСТ РЕНАР. ПОРТРЕТ ЖАННЫ САМАРИ. 1877

В ГМИИ им. А.С. Пушкина проходят ежегодные «Декабрьские вечера Святослава Рихтера». К XXXVII Международному музыкальному фестивалю приурочена выставка «Импрессионисты и передвижники. На пути в XX век» — детище президента музея Ирины Антоновой. Цель проекта — написать наших живописцев в европейский контекст. Идея сопоставления художественных течений была предложена известным искусствоведом Ниной Дмитриевой, чье столетие отмечалось в этом году. Организаторы подчеркивают, что не собирались буквально следовать тезисам исследовательницы. И все же сравнение авторов двух стран принадлежит именно ей. Главная черта, объединявшая ведущих

мастеров эпохи — борьба с академизмом. Импрессионисты выступали против засушенных красок и сюжетов Парижского салона, хотя некоторые, включая Поля Сезанна, мечтали участвовать в нем — это был вопрос престижа. Россия прославилась знаменитым «бунтом четырнадцати», когда выпускники Академии художеств для конкурса на Большую золотую медаль захотели взять темы из жизни. После отказа руководства 14 воспитанников во главе с Иваном Крамским покинули учебное заведение.

Впрочем, сравнивать импрессионистов и передвижников — занятие рискованное. Экспозиция подтверждает: различий все-таки гораздо больше, чем сходства. Представители обоих направ-

Разные, но вместе

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ. «ПРОГУЛКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ». 1890

лений нередко обращались к повседневной жизни, однако передвижники при этом бичевали пороки общества, обнаруживали в обыденном страшное, несправедливое и несправедливое. Прежде всего их интересовало содержание — темы и сюжеты. Отсюда — повествовательность, даже литературность изображений: задачи выходили за рамки эстетики. Произведение должно было решать социальные проблемы — менять мир к лучшему. Картины-жесты, картины-высказывания предшествовали авангардным плакатам со строками Маяковского, создававшимся с расчетом на широкую аудиторию, звучавшим мощно и ярко.

Иначе действовали импрессионисты, видевшие в быте нечто прекрасное и поэтическое. Отказ от мифологических или библейских сюжетов стал следствием интереса к уединенному сознанию. Авторы хотели выразить частное, личное, пропустить мир через себя. И, конечно, их привлекали не столько сюжеты, сколько сама форма, образительный язык. Французы предвосхищали поиски XX века в искусстве и науке прежде всего в философии. Живописцев занимала не история сама по себе, а средства, которыми ее можно рассказать.

Решая совершенно разные задачи, импрессионисты и передвижники по-

рой все-таки обнаруживали точки соприкосновения. Так, символические обобщения характерны не только для работавшего с толстовским размахом Ильи Репина («Отказ от исповеди», 1879–1885), но и для выдающегося колориста Ван Гога. В «Прогулке заключенных» (1890) голландец интерпретировал гравюру Гюстава Доре. Наделив одного из персонажей собственными чертами, Винсент придал бытовому сюжету метафорическое значение: жизнь как ход по кругу, без надежды обрести свободу. Картина создавалась в психиатрической лечебнице недалеко от Арля, куда мастер был помещен после первого приступа болезни.

КАМИЛЬ ПИССАРО. «ОЛЕНЬИЙ ПРОСЕЛК В ПАРИЖЕ. ЗОЛОТЫЙ СЕНТ». УГРО. 1888

Можно провести параллели между Полем Гогеном и Исааком Левитаном. «Великий Будда» и «Над вечным покоем» транслируют одну и ту же идею: превосходство вечного над сиюминутным. В иных случаях сходство обнаружить сложнее: скажем, меланхолические «Девушки в черном» Югоста Ренуара (1880–1882) резко контрастируют с ре-

шительной «Курсисткой» Николая Ярошенко (1883).

Более логичным (пусть и избитым) взглядом сравнение французских с Константином Коровиным и Валентином Серовым, чьи работы нередко относят к «русскому импрессионизму» (хотя само понятие вызывает много споров). Наши авторы близки зарубежным по многим параметрам, в том числе экспериментам с цветом. Деликатный Париж кисти Камилла Писсаро и огни ночной жизни на полотне Коровина; размашистый репинский портрет Элеоноры Дузе и безымянная балерина, запечатленная Эдгаром Дега; «Сибирская красавица» Василия Сурикова рядом с ренуаровской Жанной Самари. Переключки очевидны,

ИЛЬЯ РЕПИН. «ОТКАЗ ОТ ИСПОВЕДИ». 1879–1885

ВАЛЕНТИН СЕРОВ. «ЗАВТРАК СЛУЖАНИИ». 1880-Е

КОНСТАНТИН КОРОВИН. «ПАРИЖ». 1912

причем влияние, конечно, было одно-сторонним: в Европе не слишком хорошо знали наше искусство. А вот отечественные художники многому научились за границей. Вскоре их поиски породили совершенно самостоятельное явление — русский авангард, но это уже осталось за рамками выставки.

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Никита КЛИН

Вот «Пуля» просвистела

Михаил БУДАРАГИН

РОССИЙСКИЙ зритель не смог увидеть как минимум два документальных фильма, которые должны были пройти в рамках скандального «Артдокфеста». «Полет пули» Беаты Бубенец (ее зовут на самом деле Елена Степанова) и «Война ради мира» Евгения Титаренко. Показы были сорваны. Причем, как это уже случилось, после утрашения: представители второй воюющей на Донбассе стороны возмутились тем, что в Москве будет расска-

и рассуждают о том, что фестиваль «поднимает локальную правду» до некоторых обобщений. Что это за обобщения? Действительно ли речь идет о том, что уничтожать население Донбасса — преступление? Нет. Вот Беата Бубенец признается: «Я — на стороне украинцев. Я ведь не зря там говорю, что вот такие сепаратисты трусливые, не потому что я хотела угодить тем самым айдаровцам. Я действительно так считаю». Война — это нормальная форма суще-

В Москве был сорван показ фильма «Полет пули» о войне на Донбассе, который планировали транслировать в ходе фестиваля «Артдокфест». Премьера «Войны ради мира», еще одной ленты, посвященной событиям в мятежных республиках, перенесена «из соображений безопасности». Обе картины показывают противостояние на юго-востоке Украины с позиции киевских властей. Как Вы относитесь к этому скандалу?

Результаты голосования на сайте газеты «Культура»

Очень хорошо, что нас избавили от подобного кошмара. Хотите воспеть «героев АТО», сделайте это в Киеве	50%
Опасаясь, что государство не вмешается, а орудут какие-то активисты. У нас есть власть, она должна не допускать провокаций. Мало было «Матильды», что ли?	27%
Никакая цензура в XXI веке недопустима. Зритель должен сам решать, что ему смотреть, где и когда	20%
Меня все это не касается. Тусовочные разборки. Люди уже к Новому году готовятся	3%

зана только одна «правда о войне», украинская, и провели показательную акцию, ворвавшись в кинотеатр «Октябрь», где планировалась премьера «Полета пули». Экран был залит молотом, зрители вывели, руководящие фестивалем от греха подальше обе картины из программы убрало.

История «Матильды» никого ничему, к сожалению, не научила. Снова на арене страны «активисты», которые дают либеральной публике карты в руки. Давно пора понять, что в XXI веке для применения силы нужен мандат — или государственный, или общественный. Без него любые твои действия — маргинализация разговора: никто не ведет диалога с погромщиками, на них смотрят как на буйнопомешанных, которых нужно поскорее изолировать. Так получилось и на этот раз.

Либеральные СМИ, подводя итоги «Артдокфеста», не слишком стесняются

ствования: об этом повествуют и «мирные» фильмы. Вот, например, «Вера. Надежда. Любовь» режиссера Екатерины (она зовет себя «Катя») Феуловой — развесистая клоуна о том, как героини ведут свой зримый бой: одна — против Путина, вторая — против абортю, третья — за единственно верное решение проблемы юга-востока Украины (уничтожить всех, кто не согласен с Киевом). Лента выполнена с той легкой угадываемой звинчленно-истеричной интонацией, которая не подразумевает внятной критики. Когда на тебя бросаются с ножом, поздно приводить аргументы.

Кто выдал этому кошмару прокатное удостоверение и зачем? Затем, чтобы у

либеральной публики сапоги над головами свистели? Степень художественной беспомощности работ, которые удалось увидеть, такова, что иногда было просто стыдно. Как в случае с «Бабушкой» Людмилы Бычковой, эротической новеллой, которая призвана показать, что в России «любви все возрасты покорны», а демонстрирует в итоге незнание материала, неумение выстроить сюжет и отсутствие базовых представлений об аудитории. Половое влечение — дело хорошее, но мало посмотреть пару европейских лент (вроде «Чтеца» Стивена Доллери и «Шери» Стивена Фрирза) и перенести их на российскую почву.

Так что проблема — не только в самопальных погромщиках (кто о них вспоминает на завтрашний день?). Удручает тот факт, что отечественная культура в состоянии осмыслить конфликт на Донбассе только «фестивально», тусовочно, так, чтобы потом взяли в Берлин и дали среднюю европейскую награду. В России показывают фильмы о «героях АТО», потому что сама жизнь требует не молчать о тех окопах, что вырыты под Донецком и Луганском, однако говорить оказываются в состоянии лишь начавшие агитацией бойцы батальона «Госпитальеры» (как автор «Войны ради мира» Титаренко) и истерички, любящие «крутых парней» (в этом призналась режиссер «Полета пули», которая вообще успела дать многовато интервью).

Если уж подниматься, простите, до обобщений, то лучше — до таких. Потому что в очередной раз писать о том, что «в города России привезли документальные антивоенные фильмы» — явное лукавство. Ленты военные, пропагандистские, и действительно обидно, что срыв показа в кинотеатре «Октябрь» сместил все акценты.

Стоило бы, наверное, патетически воскликнуть: друзья, возьмемся за руки и создадим-таки хотя бы приблизительное подобие национальной культуры, такой, чтобы на документальном фестивале где-нибудь в Киеве наша точка зрения звучала так же громко и четко, как украинская — здесь. Однако совершенно неясно, кто этим будет заниматься и кто сумеет сформулировать заказ так, чтобы не было потом мучительно больно.

К сожалению, остаемся пока с сапогами, свистящими над головой Беаты Бубенец.

Автор — шеф-редактор газеты «Культура»

Восток — дело русское

Владимир ХОМЯКОВ

СЕНСАЦИОННОЕ появление Владимира Путина на российской военно-воздушной базе Хмеймим, а также его заявление о военной победе над ИГИЛ и предстоящем выводе из Сирии большей части российских войск, стали главными событиями последних дней.

Президент России прилетел в Сирию как победитель. На Ближнем Востоке Россия не только остановила головорезов из «Исламского государства», но и впервые дала ответ на шествие «нового мирового порядка».

Напомним, что Запад, запустив проект «арабская весна», сметал ближневосточные национальные государства, ввергая территории и народы в «управляемый хаос» и плодя вместо обещанной «демократии» террористические анклав и исламистский фашизм. Дамаск должен был стать еще одной точкой на карте чужого триумфа. Когда российские ВКС в 2015 году по просьбе законного правительства пришли на помощь захлебывающейся в крови гражданской войны Сирии, казалось, что дни ее сочтены. Во внутрисоюзный конфликт, который начался в 2011 году по классической схеме «цветных революций», быстро втянулись всегда оппозиционные полукочевые племена и сколоченная американцами «Свободная сирийская армия», впрочем — быстро «сдавшаяся» после того, как от нее отпочковались сепаратисты-курды и радикальные группировки, создавшие ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация) и «Джебхат ан-Нусра».

В Сирии воевали десятки тысяч наемников и фанатиков «всемирного халифата», которых поддерживала Турция и ближневосточные монархии. Затем якобы для борьбы с «Исламским государством» в страну, по сути, в качестве интервентов вошли американцы и созданная ими «коалиция», борющаяся с боевиками столь «успешно», что к 2015 году контролируемая противниками сирийского правительства территория составляла более 70 процентов республики, включая, разумеется, основные нефтяные месторождения. То, что истинной целью американцев была не война с ИГИЛ, а свержение Асада, Вашингтон не скрывал, под различными предлогами

нанося предательские удары по сирийским войскам.

Спаси это государство могло только чудо. И оно свершилось. В итоге за два года освобождено более 67 тысяч квадратных километров территории страны и более тысячи населенных пунктов. Только российской группировкой уничтожены сотни танков и порядка 12 тысяч единиц оружия и техники, подорвана финансовая база террористов: под контроль сирийского правительства возвращены 78 нефтегазовых полей. Населению доставлены сотни гуманитарных конвоев, десяткам тысяч человек оказана медицинская помощь.

Россия получила множество геополитических плюсов, вернувшись на Ближний Восток, откуда была фактически вытеснена еще в 1973 году

Так что когда либеральные commentators заводят плач о том, «зачем мы туда полезли?», хочется ткнуть их носом в географическую карту и попросить прикинуть, куда именно должен быть дальше направлена своя экспансия победивший «халифат». Турция и Иран — лишь начало. Затем — Афганистан, Средняя Азия и... конечно, Россия. Эти планы не осуществляются.

Да, война — дело не дешевое. Однако суммы на проведение операции были многократно меньше, чем у американцев в Ираке, а новые технологии прицеливания позволили вместо дорогостоящей утилизации использовать массу старых боеприпасов для высокоточных бомбардировок. Расходы на боевые самолеты и пуски ракет вполне уложались

Автор — сопредседатель движения «Народный Собор»

в запланированные на военные учения. Авиация, флот и спецназ приобрели неоспоримый боевой опыт.

Кроме того, в результате победы Россия получила множество геополитических плюсов. Она вернулась на стратегически важный Ближний Восток, откуда была фактически вытеснена еще в 1973 году, после переориентации на США египетского президента Анвара Садата. Кроме того, удалось наладить отношения с Египтом и Турцией. Иран — наш союзник в Сирии, и даже Саудовская Аравия, поначалу начавшая сколачивать суннитские страны в коалицию против Башара Асада, Ирана и России, берет за ум.

Значительная часть российской группировки выходит из республики. Но помимо того, что продолжает действовать наш центр по примирению враждующих сторон, в стране остаются военно-воздушная база Хмеймим и военно-морская — в Тартусе. Тем же, кто по наивности может захотеть воспользоваться ситуацией, Путин прозрачно намекает: «Если террористы вновь поднимут голову, то мы нанесем им такие удары, которых они пока и не видели».

А что же американская «коалиция»? Единственным крупным ее достижением можно считать взятие Ракки. Но при этом массивными бомбардировками было уничтожено мирное население, а ядру боевиков ИГИЛ позволили, как и при осаде иракского Мосула, спокойно уйти с оружием — при условии, что они отступят к Дейр-эз-Зору — воевать с сирийцами и русскими.

Впрочем, как известно, «у победы много отцов, только поражение всегда — сирота». И вот уже США и Франция отлетались заявлениями о том, что все в Сирии сделал именно Запад, — столь же смешотворными, как недавний пассаж президента Трампа по поводу того, что именно Америка выиграла Первую и Вторую мировые войны. На это ответил представитель российского МИДа Мария Захарова: «Ваши достижения — это Ирак, Ливия и Афганистан. Вот ими и гордитесь».

Отрадно, что России есть чем гордиться — не только в прошлом, но и сегодня.

Всем выйти из сумрака

Николай ФИГУРОВСКИЙ

СВЕЖАЯ новость: Росстандарт обнаружил в работе кодунов и хиромантов множество нарушений. Чиновники намерены защитить потребителей с помощью введения разрешительного порядка регистрации. Первое чувство после прочтения этих слов — изумление. Оказывается, и магию можно измерить ГОСТом. Однако, если разобраться, в этом намерении есть здоровое зерно.

Российская система сертификации услуг устроена таким образом, что во многих видах деятельности предприниматели объединяются, сами устанавливают объекты и правила сертификации и регистрируют систему в госреестре в уведомительном порядке. Приходишь в салон хиромантии, а там на стенке в рамочке документ на гербовой бумаге с печатью, все по уму. А то, что выдан он СРО (саморегулируемой организацией) демонов и нежити, — так все же по закону? Но кому гражданам претензии предъявлять, если, допустим, приворот неправильный случился или глазули не того, — Росстандарту? Вот и пришла в голову чиновникам идея разработать некую государственную систему по учету и сертификации волшебников.

На самом деле у этой мысли есть экономическая подоплека. По разным подсчетам, сегодня до 15 миллионов россиян работают в «гаражном эконоимике». Недавно для всех,

кто оказывает услуги за деньги, не регистрируясь и не платя налогов, придумали определение «самозанятых». Государство теперь мягко пытается вывести этих людей из «серой зоны». Принят закон, позволяющий самозанятому гражданину зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя и вести свою деятельность первые два года в режиме «налоговый каникул». Для начала легализовали три категории — нянь, репетиторов и домработниц. Но в Госдуме лежат предложения еще на полсотни видов деятельности. Если эксперимент покажет эффективность, узаконят и их тоже. Вероятно, сюда же, по мысли экспертов Росстандарта, можно будет подтянуть и магов.

А что — налоги государство неохотимо брать их с ведьм и хиромантов? Ввести для них патенты (очень прогрессивный вид налогообложения), и пускай кодуноут. Ведь, судя по обилию рекламы в газетах и интернете, на их услуги сохраняется устойчивый спрос: реали таковы, что обязательно найдется определенное количество людей, надеющихся, что проблемы решатся некой высшей силой, а уж чистой или нечистой —

Автор — психолог

Совет да любовь

Егор ХОАМОГОРОВ

МИНИСТЕРСТВО образования одобрило создание образовательного курса «Семьеведение», сообщила уполномоченный при президенте по правам ребенка Анна Кузнецова. Детали проекта пока неясны, но сам факт говорит о многом.

Семья перестала быть чем-то самоочевидным. Едва только современный ребенок научится читать — вылезает в интернет, где транслируются убеждения, крайне далекие от нормы: радикальный феминизм, «чайлдфри», попытки ввести на место двух полов множество «гендеров» и бешенное «квир-культура». И это не говоря о бесчисленных формах гомосексуальной пропаганды — от японских аниме про «кавайных» девочек и мальчиков до откровенной разнузданной порнографии.

Скажем честно, если измерять плотность информационной потоки, то шансов быть счастливым в браке или хотя бы попытаться создать семью, у поколения наших детей не так уж и много. Родительский пример? Даже самые лучшие образцы молодые люди усваивают познатовато, после тридцати, когда начинают подозревать, что иногда и кое в чем «предки» были, наверное, правы.

Но, по совести, так ли уж хорош был опыт родителей и наш собственный: работа без прохвуда, семейные споры, разводы, алиментные бега, забытые отцами дети? И речь не только об успехах. За XX век у нас сформировалась странная модель семьи, застрявшей между архаикой и модерном — недостаточно патриархальная, чтобы быть строгим нравственным образцом, лишённая лады и ритуала, но в то же время и далекая от демократизма, — воля родителей все равно навязывается криком и домашним насилием. И не дай Бог вмешаться безумной западной «ювенальной юстиции» — тогда сами на наших просторах и вовсе прекратится.

как получится. Не гоняться же за ними всеми, не запрещать, не вести бесконечные бои — пусть все будет мягче, человечнее.

Сказки? Как бы не так! Скажем, еще несколько лет назад казалось, что «автомобили» непобедимы, а сейчас большинство зарабатывающих извозом получают лицензию и превращаются в официальные такси, подключаясь к интернет-агрегатору. Везде за ними к «Яндексу» с Uber присоединились курьеры, доставщики пиццы, арендодатели. Глядишь, через пару лет защиту от слеза или гадание по руке можно будет получить, просто нажав на кнопку смартфона.

А представляете, насколько солиднее выглядела бы в этом случае знаменитая афиша Остаса Бендера: «Жрец, сын Крепша, любимец Рабиндраната Тагора Йоканаан Марусидзе. Материализация духов и раздача слонов». И в уголке скромно и солидно: «Государственная лицензия №...».

Правда, остается вопрос: кто будет документы выдавать? Речь идет об услугах, значит — Роспотребнадзор. Но целесообразность — это уже Росздравнадзор? С другой стороны, маги и ведьмы оказывают воздействие духовное, здесь вступает в дело Роскомнадзор. А если энергетическое влияние — Ростехнадзор. Но энергия-то космическая? Значит, Роскосмос. Поиск пропавших душ — скорее всего, прерогатива МВД. Не забудем об МЧС — мало ли что может случиться при столбоверчении.

Впрочем, что изобретать велосипед? Все сделано до нас. В серии романов фантаста Сергея Лукьяненко подробно описана работа двух надзорных ведомств, регулирующих деятельность тайных сил: Ночного и Дневного таинных, которые выдают лицензии ничем не хуже, чем ФНС — патент на ремонт или извоз. Оказалось, что Лукьяненко — не просто литератор, но футоуролог, и описанная им система — готовый рецепт, бери и пользуйся.

А вы говорите, фантастика.

вторым на свадьбах наряду с суеведем «горько».

В основе брака должен лежать совет — постоянное совещание, обдумывание, совместное размышление, согласование целей и средств мужа и жены. Семья никогда и нигде не была совместным приятным времяпрепровождением. Это команда, объединенная общими долгосрочными целями, превышающими срок жизни одного поколения. Выжить, создать совместное хозяйство, вырастить достойную смену, оставить детям и материальное наследство, и духовное наследие в виде хорошего воспитания, образования. Все это немудрено в условиях навязываемой феминизмом доктрины «борьбы полов», когда семья превращается в свхватку эгоизмов. Если нация, по выражению Эрнеста Релана, это ежедневный плебисцит, то семья — постоянный совет. Когда он прекращается, ячейка общества умирает. Второе основание — любовь, но не как романтическая страсть, а как безгневность, прощение.

Новейшие социальные практики разрушают привычные нам условия жизни, психологической идентичности, не говоря уж о духе и культуре. Поэтому велика опасность того, что для современного человека как для личности будущего нет. Выживут, видимо, только роботы. И мы видим, как быстро мир обращается к дремучей неархаике или к сдержанному фундаментализму, к своим основам.

Время, по сути, повернулось вспять. А потому чрезвычайно важно не оказаться в чужой архаике, но обратиться собственными традициями себе на службу. Идея семьи нуждается в обновлении и пояснении, и где этим заниматься, если не в школе, кому рассказывать, как не тот, кто еще не испорчен печальным опытом? Сформулировать идеал — задача посильная и достойная.

Автор — публицист

Никита Михалков:

«Россияне голосуют рублем за наше кино»

Алексей КОЛЕНСКИЙ

11 декабря в Центральном доме кинематографистов прошел X съезд Союза кинематографистов Российской Федерации. На пост председателя был переизбран Никита Михалков, возглавляющий профессиональное сообщество с 1997 года. Кандидатуру режиссера поддержали 270 из 278 присутствовавших делегатов.

Михалков поблагодарил коллег за оказанное доверие:

— Мне очень важно, чтобы вы поняли и почувствовали: никто из нас не держится за власть. Самое главное, сегодня Союз становится организацией, готовой к деятельному сосуществованию. А раз есть такая энергия, недалек день, когда, даст Бог, мы передадим ее в мощные молодые руки.

Открывая юбилейное собрание, режиссер рассказал об успехах российской киноиндустрии:

— С начала существования Союза, съезды кинематографистов были радостной констатацией достижений, в чем-то справедливой, а в чем-то нет. Потом пришла времена, когда все стало плохо, и мы существовали в рамках «хроники убывающего плодородия». Но сегодня я хочу говорить не о Союзе, а об отрасли, являющейся смыслом нашей жизни. На прошлом съезде мы отмечали проблемы: малое количество кинотеатров, дорогие билеты, засилье западного кино. Наши фильмы не собирали кассу, зрители уходили в интернет, мало внимания уделялось детям, спортивным и патриотическим фильмам. Что сегодня?

За это время Министерством культуры, Фондом кино и нашим Союзом проделана гигантская работа. К 2013 году у нас было 3100 кинозалов. Сегодня их число увеличилось в полтора раза — 4700 залов, обеспеченных цифровым оборудованием. Это не идет ни в какое сравнение с прокатной индустрией США, но когда мы выпускали «Сибирского цирюльника», в стране работало 36 кинотеатров. При этом сборы российских фильмов выросли в два раза: они забирают 23 с половиной процента кассы — более одиннадцати миллиардов. Россияне голосуют рублем за наше кино. Кто стал лидером проката? «Последний богатырь», «Сталинград», «Викинг», «Экипаж», «Елки 3», «Вий», «Три богатыря: Ход конем», «Три богатыря на дальних берегах», «Легенда №17», «Притяжение». ... Часто говорили, что наши люди смотрят только комедии. Видите, это неправда. Что является основой хороших сборов, кроме рекламы и сарафанного радио? Желание пойти в кино с семьей и потом прийти еще раз. Это принципиально важная вещь.

Есть великие имена, связанные с понятием «авторское кино», но сегодня так называют просто плохое кино, в котором автор — не автор, а непрофессиональный человек, прикрывающийся формулой «я так вижу». Сергей Аполлинариевич Герасимов как-то охарактеризовал работу своего студента, настаивавшего на искреннем самовыражении: «Искренность котенка — в его «мяу». И таких «мяу» сегодня много. Я не говорю, что следует применять какие-то меры, но право на авторский взгляд должно быть у автора, а не у того, кто не умеет снимать кино. Зритель не хочет смотреть непрофессиональные фильмы и видеть себя в мерзости, в грязи. Это не значит, что все должно быть отлаковано, чисто и живо, но я никогда не стану повторять фразу православного старца: «Жесткая правда без любви есмь ложь». Ты можешь говорить о самых страшных и самых жестоких вещах, но я должен видеть, когда ты любишь. Рассказать мне, что я ничтожество, не трудно, а вот помочь найти выход из проблем — другое дело. И люди начали ходить в кино, потому что оно перестало опускать их на дно. Но, по большому счету, самые кассовые наши картины — это очень неплохое, в лучшем смысле слова со-

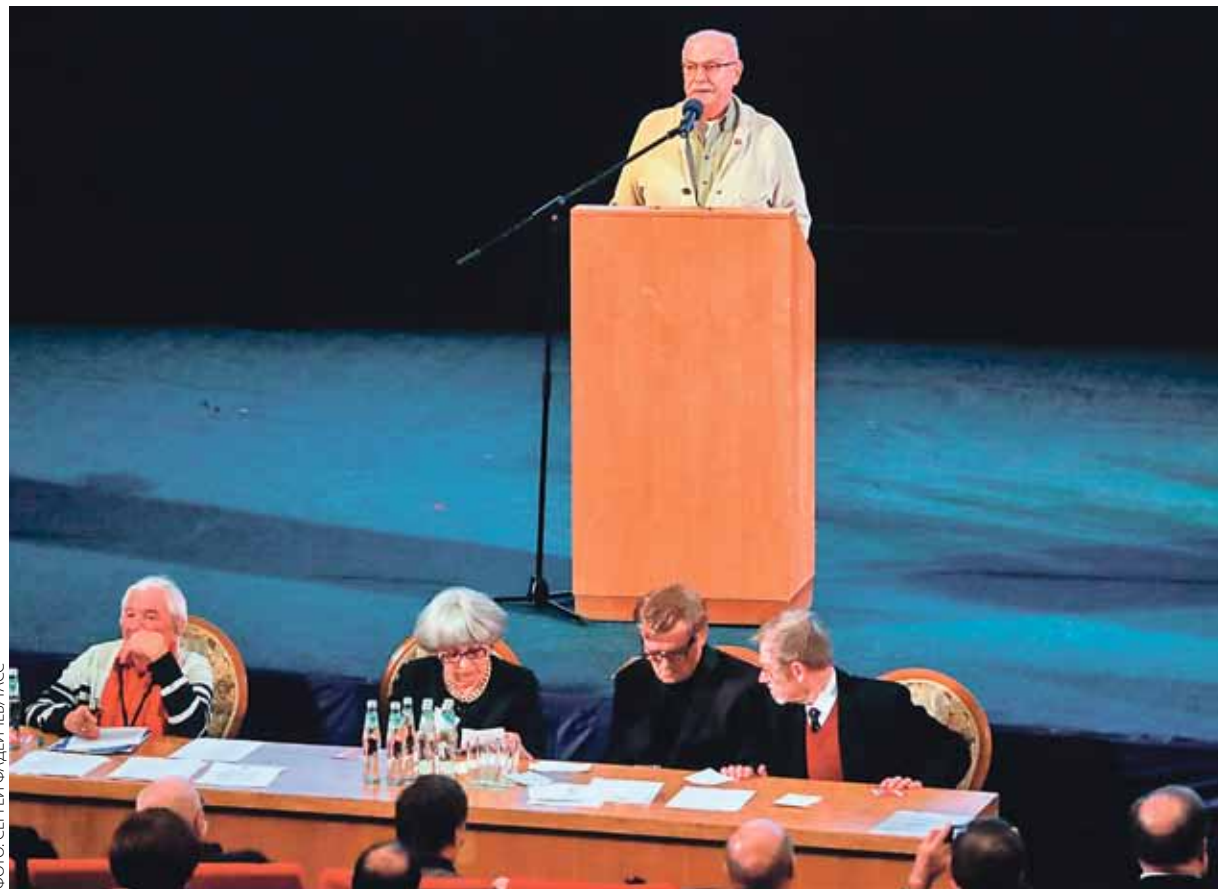

ФОТО СЕРГЕЯ ФАДЕЙЧЕНКО

ФОТО РАЙМОНДА СИДЛИКОВИЧА / НОВОСТИ

ФОТО СЕРГЕЯ ФАДЕЙЧЕНКО

ФОТО СЕРГЕЯ ФАДЕЙЧЕНКО

ветское кино, где существуют отношения, вера, надежда и любовь. Они не просто хорошо сделаны, а нужны людям. Значит, мы начинаем выходить из кризиса, в котором находились долгое время.

Михалков отдельно коснулся ситуации в Ялтинской киностудии: — Это место не может быть захлавлено и не должно исчезнуть. Идея состоит в том, что эта студия не будет иметь своего режиссерского штата, а станет мощнейшей базой, на которой одновременно могут сниматься до семи-десяти картин. Почему? В Крыму есть все — изумительная природа, море, реки, водопады, горы, степи лавины и не должно исчезнуть. Идея состоит в том, что эта студия не будет иметь своего режиссерского штата, а станет мощнейшей базой, на которой одновременно могут сниматься до семи-десяти картин. Почему? В Крыму есть все — изумительная природа, море, реки, водопады, горы, степи лавины и не должно исчезнуть. Идея состоит в том, что эта студия не будет иметь своего режиссерского штата, а станет мощнейшей базой, на которой одновременно могут сниматься до семи-десяти картин. Почему? В Крыму есть все — изумительная природа, море, реки, водопады, горы, степи лавины и не должно исчезнуть.

также должна работать на отечественный кинематограф!

В торжественной обстановке председатель вручил членские билеты новым членам Союза: самарскому оператору Ивану Антонову, его питерской коллеге Асии Зиганшиной, продюсерам Наталье Васильевой и Александру Досталю, его брату, режиссеру Евгению Досталу, писателю и драматургу Юрию Полякову, признавшемуся, что документы для вступления он подал по рекомендации великого драматурга Евгения Габриловича, главы редакционного совета «Литературной газеты». А сербский новобранец, Станислав Попович, поблагодарил за честь и поклялся снимать не только развлекательное кино, но и фильмы, поддерживающие православную веру и славянскую традицию, а не калки с зарубежных картин.

Лидер курского областного киновидеофонда Андрей Немиров призвал обратить внимание на си-

туацию с сельским кинопоказом. Главная проблема — крупные мэйджоры, российские компании, все чаще отказывающиеся выпускать блокбастеры на цифровых носителях. В итоге до сорока миллионов жителей провинции оказываются заложниками параллельной реальности: рекламируемые по телевизору ленты не добираются до удаленных кинотеатров. Несладко приходится и зрителям райцентров: голливудские дистрибьютеры оккупировали экраны для проката американских лент. Люди успевают посмотреть их за пару дней, оставшееся время хиты крутятся в пустых залах. Выслушав докладчика, делегаты поручили заняться проблемой только что созданной Комиссии по организации кинопроката в регионах под руководством Александра Адабашьяна.

Но есть и хорошие новости. Молодежный центр Союза кинематографистов стал застрельщиком регионального кинопроизводства — с 2013 года при его участии было создано тридцать фильмов-событий, а всего он поддержал сотни проектов, состоявшихся благодаря тридцати региональным питчингам, проведенным в 15 регионах. На повестке дня — расширение географии публичных защит. Важным вкладом в киноиндустрию обещает стать портал Молодежного центра moviestart.ru — будущая биржа кинопроектов. Впечатленные объемом проделанной работы делегаты одобрили идею проведения фестиваля регионального кино в Центральном доме кинематографистов. Единодушно поддержали постановление об участии Союза в организации празднования 100-летия ВГИКа.

Заместитель председателя Клим Лаврентьев отчитался об оказанной помощи инвалидам и пенсионерам: за отчетный период на реабилитацию и поддержку товарищей Фонд помощи ветеранам кино «Урга — территория любви» и семейный фонд Виктора Векслберга выделили более ста миллионов рублей, а лично Михалков внес 37 млн. Заместитель председателя Союза Валерий Тонких представил проекты нового Дома ветеранов кино в Матвеевском, реконструкции московского Дома кино и Дома творчества «Репино», а также переоборудования Дома творчества «Болшево» в учебный центр детского творчества.

Подводя итоги юбилейной встречи, Никита Михалков подчеркнул:

— Настоящие сила, богатство, слава и власть только тогда настоящие, когда они направлены на пользу другим людям. Мы с вами вместе живем почти двадцать лет. Главное, что Союз устоял, и многие из вас могут подтвердить, что я никогда не использовал его в личных целях. Мы не зря доверяли друг другу. И я надеюсь, так будет и впредь, потому что недоверие уже однажды привело к огромному количеству неприятностей и бед. Всегда то, что происходило в Союзе, потом происходило и в стране. Стабильность в Союзе — стабильность в стране!

ФОТО НИКОЛАЕВРИМ / НОВОСТИ

Служили три товарища

Николай ИРИН

55 лет назад в прокат вышел фильм режиссера Алексея Сахарова «Коллеги», сделанный по нашумевшей в 1959-м повести Василия Аксенова. Трех друзей-медиков сыграли молодые красивые звезды советского экрана Василий Ливанов, Василий Лановой и Олег Анофриев, что, конечно, предопределило прокатный успех: картину сразу же посмотрело более 35 миллионов зрителей.

Исходная повесть стала первой большой опубликованной вещью Аксенова — одного из лидеров молодежной прозы оттепели поры. Сам выпускник 1-го Ленинградского медицинского института, Василий Павлович словно расщепляет себя, распределяя личный жизненный опыт между Сашей Зелениным (Василий Ливанов), Алексеем Максимовым (Василий Лановой) и Владкой Карповым (Олег Анофриев). Парни стоят на пороге выпуска. Фильм начинается с мировоззренческих споров и межпоколенческого конфликта.

Алексей Сахаров оказывается в сложном положении: острые дискуссии хороши на бумаге, а в кино для кассового успеха и привлечения зрительского внимания требуются движение и конфликт, любовь и преступления. Пожертвовать проблемными разговорами и провоцирующим их социально-психологическим климатом переломной для страны эпохи — значит обесмыслить исходник, выхолостить его специфическое содержание. Однако мировоззренческие позиции героев, скорее, декларация о намерениях. Позиции эти не слишком-то провоцируют интересные сюжетные повороты. Фильм поэтому оставляет ощущение визуального спекта: тот или иной персонаж в сердцах выбрасывает в воздух некий значимый для него слоган и, даже не получив ответа от оппонента или хотя бы Вселенной, стремглав бросается реализовывать некую предписанную ему фабульную функцию. Потом другой герой: коротко выговорился, будто отчитавшись перед передовой общественностью за проделанную над собой работу, и осуществляет свое.

Драматургически картина не убедительна. Откровенно смехотворна в ней любовная линия. У Алексея и Владки жен или хотя бы подружек нет вовсе, что вообще-то немислимо для кинофильмов с молодыми мужчинами. Вроде бы компенсируют эту недостатку сразу две любовленные в Сашу красавицы Инна (Нина Шацкая) и Даша (Тамара Семина), студентка-москвичка и сельская медсестра соответственно, однако их внутренний объем воистину стремится к нулю, и воспринимать отношения этого треугольника хоть сколько-нибудь серьезным образом не представляется возможным. Преступлений целых два: Алексей разоблачает расхитителя госсобственности Яруча (Иван Любенов) и своего однокурсника-взяточника Столбова (Лев Поляков), Саша попадает на нож вора и алкаголика Бугрова (Эдуард Бредун), вдобавок безответно влюбленного в Дашу и оттого вдвойне ненавидящего жертву своего подлого удара. Но и преступления, равно как отношения, не проработаны, фактически никакого интереса не представляют. Короче, «любовь и кровь» авторскую команду не вдохновляют.

Что же, не выполняющая жанровых обязательств картина плоховата? Скажем так: напрасно авторы пытались соединить социальную аналитику, которая им удается и в которой они сильны, с жанровыми приемчиками (ими создатели, очевидно, не владеют). В конечном счете, и в западной массовой культуре, которая завораживала Аксенова, и у нас было достаточное количество игровых кинопроизведений, привлекавших зрителя исключительно публицистическим накалом. Сосредоточившись на раскрытии мировоззренческих позиций главных героев и их оппонентов, авторы дали бы исполнителям возможность сконструировать убедительные образы, а потом эмоционально эти умозрительные конструкции наполнить. Впрочем, возможно, время подобных, по-настоящему сильных картин, вроде «Премии» Гельмана — Микаэляна, в начале 60-х еще не пришло, поэтика попросту не вызрела.

Тем не менее Сахаров на материале Аксенова движется примерно в эту сторону. В самом-самом финале, когда вернувшие с того света, казалось, безнадежно порезанного Бугровым Сашу Алексей и Владка наслаждаются папиросами от благодарных доктору и его спасителям сельчан, Алексей делает значимый речевой жест, поправляя местного руководителя Егорова (Владимир Кашпур) в следующий диалог: «Вы ведь, кажется, друзья Саши?» — «Коллеги». Таким образом акцентируется некое «дело жизни», профессия, если угодно, значимость именно социального служения. «Друзья» — что? «Друзья» — категория зачастую временная. К финалу картины судьба

развела героев, фактически поставив пресловутую «дружбу» под вопрос. «На Север уехал один из них, на Дальний Восток — другой», для третьего — слов в легендарной песне не нашлось, однако благодаря бескрайнему советскому простору будет максимально отдален и он. Возможно, впоследствии засосут быт, загрузит заботами семья, а дружба накроется медным тазом. Но благородная профессия, но служение людям — их жизненный крест.

Что бы там ни говорили душно про СССР, но и через столетия будет востребована эта идеологически обеспеченная коммунистами идея служения обществу, возможно, в ущерб личному интересу. И здесь мы подходим к тому, что составляет соль картины. Аксенова, а вслед за ним Сахарова по-настоящему интересует, что предшествует и фабуле, и конфликту, и даже характеру. Их увлекает тот набор идеологем, которые, обеспечивая умонастроение человека, формируют характер и запускают сюжет. Самый первый эпизод картины, где приехавший в Ленинград из глубинки вместе со своим столь же косным товарищем Егоров цепляется к веселой, красивой и внешне беззаботной троице героев, досадуя на то, что парни, дескать, «хорошо живут в то время, как мы боролись и страдали», показателен и где-то универсален. Позже герой войны и труда, поначалу заклевывавший парней как пижонов, опознает в них профессионалов, подвижников и тоже героев. Ливанов, Лановой и Анофриев дают универсальный коллективный образ поколения, которое сначала неправильно опознается и, возможно, третируется, но потом, преодолевая даже свои собственные стереотипы, совершает красивые поступки, меняет национальные приоритеты и вектор национального развития. «В наш век телевизора и электроники...» — справедливо апеллирует к сельчанам Зеленин, требуя, чтобы наконец был распакан и поставлен на службу людям давно доставленный, но так и не задействованный рентгеновский аппарат. «Кроме работы, есть и другие великодушные вещи: музыка, стихи, вино, автомобили, — восторженно восклицает влюбленный в мир персонаж Аксенова, — море, закаты, горы, женщины...» В нужную, в критический момент именно Алексей решится на прямое введение адреналина в сердце умирающего Саши и спасет человека, то есть докажет приоритет пресловутой «работы».

Как формируется внутренний человеческий миф — большая загадка. Владка рвется в международные рейсы, в загранку, а Зеленин легко сходит с простонародьем из глубинки, что, кстати, обаятельно и достоверно отыгрывает Василий Ливанов. «Поехать туда — мой долг, гражданский долг», — скандирует его Саша, а Алексей морщится, одергивает товарища: «Давай обойдемся без трепотни!» Аксенов, ко всему прочему, весьма удачно расщепление себя на троицу героев: видно же, слышно, что Василий Павлович понимает и такую манеру поведения, и другую, и третью. Достойный повод не согласиться с классиком, отрубившим: «Широк русский человек, я бы сузил». Не нужно суживать русского человека, дело тогда как раз и кончится революцией. «Широк» — вот и хорошо, дайте ему реальную возможность — наплодит новой социальной образности, после чего не придется ни истерически заглядывать на до-революционное прошлое, ни одалживаться за теперешней государственной границей.

Визит старой «Дамы»

Александр МАТУСЕВИЧ

В московской «Геликон-опере» вновь звучит «Пиковая дама».

К шедевр Чайковского театр впервые обратился в 1995 году, предложив публике своеобразную камерную версию. Опера была купирована чуть не наполовину, из нее улетучились многочисленные хоры и даже некоторые персонажи (например, Полина), а все действие разворачивалось за картонным столом. В тогдашней интерпретации Дмитрия Бертмана бесконечная игра велась между пьяницей и неврастеником Германом, самодовольным павлином-эгоистом Елецким, сексуально озабоченной молодой кокеткой Графиней, безвольной и невыразительной Лизой и нездорово бравирующим Томским. При всей спорности прочтения оно было свежим и неординарным, а главное, выглядело уместно в увлеченном экспериментами модном полупрофессиональном театре-студии, пытавшемся втиснуть полотна гранд-опера в игрушечный залчик Московского дома медика.

Прошло почти четверть века, и сегодня «Геликон» — серьезная институция с каскадом залов (в том числе с огромным, настоящим оперным пространством «Стравинский») и народными-заслуженными артистами в штате. Казалось бы, впору оставить ерничанье и стес в духе гитисовских капустников и начать соответствовать новому масштабу и новой миссии. Большой оперный формат требует совсем иного подхода и к режиссуре, и к сценарии, и к игре, и к пению. Однако от прежних привычек отказаться сложно, поэтому первые опыты («Садко», «Онегин», «Трубадур») по новому-старому адресу решены в старой эстетике, а попытка выйти на иной уровень просматривается лишь в «Турандот» и «Паяцах».

К сожалению, в случае с «Пиковой дамой» театр цепко держится за прошлое: Бертман реновирует свое детище, но концептуально ничего не меняет. Огненные опера идет целиком, возвращены утраченные персонажи и сцены, полноценным участником стал хор (хормейстер Евгений Ильин) — как взрослый, так и детский (приглашен из музыкальной школы при Мерзляковке, хуцрук — Марина Цатурян), расширилось пространство спектакля — в нем теперь уже три уровня, и есть очень симпатичный Летний сад (художник Игорь Нежный), пошта куча стильных черно-серых костюмов (художник Татьяна Тулубева), но, по сути, спектакль остается прежним. Действие разворачивается на авансцене, где установлен пресловутый стол зеленого сукна, второй этаж под колосниками отдан преимущественно под массовые сцены, середина же отведена оркестру. Так и хочется сказать, что именно он, а вместе с ним музыка Чайковского — смысловая доминанта новой редакции спектакля. Но, увы, нет: доминанта все та же — странные личности за картонным столом, жеманящиеся и кривляющиеся, плохо совместимые с великой мистической партитурой Петра Ильича. Отношения между ними — комичные и нелепые, поведение — одиозное, а любовной драмой здесь и не пахнет — сколько бы Графиня и Герман не тискали друг друга в интенсивных объятиях. Лиза на этом празднике эротического томления — воистину бедная родственница. Двадцать лет назад такое решение казалось вызывающим, но интересным, сегодня же, когда уже не один режиссер показал нам в образе Графини молодящуюся эротоманку, беспрестанно раздвигавшую ноги, курящую, от-

ФОТО: МАКСИМ БЕЛЫЙ/РИА НОВОСТИ

Графиня — Ксения Вязникова

ФОТО: МАКСИМ БЕЛЫЙ/РИА НОВОСТИ

плясывающую кадрили, играющую в русскую рулетку, спектакль «Геликона» отдает клишированностью и нафталином. Можно ли войти дважды в одну реку, пусть и запруженную новой плотиной? Ответ очевиден. А как бы хотелось увидеть новую постановку великой оперы от знаменитого режиссера, ныне уже не провокатора — enfant terrible московской оперной сцены, — а мастера, справившего золотой юбилей.

Музыкальным руководителем спектакля выступил знаменитый Владимир Федосеев. Несмотря на неоднократную задекларированную неприязнь авторской режиссуры в опере, с Бертманом Федосеев спорить не стал — видимо, столь велико было желание продирижировать любимым опусом. Федосеев так тщательно проработал партитуру с оркестром, что он звучал архиблагородно в руках ассистента мастера Валерия Кириянова. Не испортила впечатление даже оригинальная раскладка коллектива, явившаяся причиной неоднократных расхождений, в том числе и криминальных: дирижеру и солистам, находящимся весь вечер спинами друг к другу, было явно не слишком комфортно.

Вокальный уровень геликоновской «Пиковой» радует качественным исполнением партий для низких голосов (яркая Ксения Вязникова — Графиня, тембрально сочная Александра Ковалевич — Полина, уместно кантленный, вопреки нелепому сценическому рисунку, Максим Перебийнос — Елецкий, весомый и выразительный Михаил Никаноров — Томский) и огорчает несовершенствами главной (по Чайковскому, не по Бертману) лирической пары: Алиса Гицба (Лиза) частенько сипит и заметно детонирует, особенно на верхушках, а Вадим Заплетный (Герман) иногда неритмичен и звуково однообразен — истерично громко на протяжении всей оперы.

Нуреев ушел с молотка

Нуреев — Владислав Лантратов

ФОТО: ТАБЕЛЪ РЫКОВ/БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Адресованное тем, кто уваливает моду, чтит то, что гламурно, красиво и высокобюджетно. Получившееся зрелище оценит (и уже оценила) публика, интересующая жизнью артиста вне сцены: Нуреев как вздорный и самодостаточный эгоцентрист положил на обе лопатки неподражаемого и непревзойденного Нуреева — «бога танца».

Многофигурная композиция встала в себя полторы сотни персонажей. Помимо привычных в балете танцовщиков и оркестрантов, залу выдали вокал — хоровой и сольный, видео, мелодекламации, пантомиму, соло музыкантов и читаемую драматическими актерами хронику. Авантюризм замысла рассчитана на тотальную эйфорию зрительного зала, полученную легко и с ходу. Но разделить общее ликование не получается. Драматургия объявленного шедевром спектакля — самое слабое звено, ставки делаются на аукцион. Ход апробирован и неоднократно, в кино — Франко Дзеффирелли («Триата»), в балете — Джозефом Ноймайером («Дама с камелиями»). Тут и считать везет: Нуреев умер, и с молотка идут мебель и картины, антиквариат и школьные тетрадки, костюмы и дирижерская палочка, письма и даже остров — тот самый, недалеко от Неаполя, что дарил отдых «летающему татарину» от трех сотен спектаклей в год и когда-то принадлежал танцовщику и хореографу Леониду Мясину. Каждый лот «хранит» воспоминание. Вот школьный дневник 1956 года: на мостках Большого возникает балетный зал по улице Зодчего России в Петербурге, где принятый в класс переросток из далекой Уфы конфликтует с партнершей и утверждает свое первенство. А вот с молотка уходит серия снимков известного фотохудожника Ричарда Аведона: герой откровенно позирует перед камерой, «готовые» картинки проецируются по периметру придуманного Серебрянниковым в качестве единой декорации павильона. Фрагменты биографии не складываются в судьбу, а «сбегают» в занимательную мозаику. Да и интересовала ли авторов судьба?

Картину «Прыжок к свободе» сопровождает комментариями мхатовцев Игорь Верник. Он и некий кагэбэшник по имени Серый, и Аукционист и Аведон. С несмешаемой внешней экспрессией беззубый артист читает докладные записки о том, что артист балета Нуреев общался с сомнительными людьми, среди коих — представители западных спецслужб. В марше ликуют комсомольцы, хор исполняет патристическую оду, солирует крупная солистка а-ля Людмила Зыкина. «Родины себе не выбирают. / Начиная видеть и дышать, / Родину на свете получают / Непременно, как отца и мать» — не ставшие классикой строки Маргариты Алигер подаются едко и саркастически — рифмой мхатовскому «Лесу» по Островскому, где Серебрянников строил финал на «Беловежской пуще» Александры Пахмутовой и Николая Добронравова.

Мелкими намеками разворачивается столь «подробная» хроника побега, что сам прыжок Нуреева через металлические ограждения-решетки уже кажется лишним. Все, как в усердно разлинованном школьном дневнике, о «предателе» разьяснили: плавали — знаем, но и Зыкину — чтим. Настоящий танец тут важен, но он оборачивается поверхност-

ной иллюстрацией к несдержанному многословию. Сила балета — в его абстрактно-образной природе, что вполне себе обходится без «разговорных подпорок».

Велик соблазн последовательно описать помпезное зрелище Большого. Не забыть о картине «Булонский лес», где развратно разгуливают «трансвеститы» — обаятельный мужской кордебалет в дамских платьях и туфлях на каблуках. Или — соло «Письмо к Руди от Ученика»: эпизод с пафосным монологом о святом искусстве и верности хореографическому наследию, о любви к Родине и ненависти к советской власти. Письмо написано Шарлем Жюдом и Лораном Илером, которые были начинающими артистами Парижской оперы в то время, когда ее возглавлял Нуреев. Вячеслав Лопатин подает свою песню элегантно, тонко, максимально нейтрально, возбудившую патетику слов. Лучший эпизод первого акта — дуэт Нуреева (Владислав Лантратов) со своим возлюбленным Эриком (Денис Савин). Намек на гомосексуальность избежал: Рудольф в белом, его датский друг — в черном, и оба практически не касаются друг друга, хотя ощутима притягивающая двух людей сила и их нечеловеческая боль перед вечным расставанием. Отношения персонажей в важном для постановщиков мужском диалоге скромны и безгрешны. Но, конечно, обнаженных мужских торсов и натренированных тел сильного пола вокруг титульного героя избыточно много, хотя и не больше, чем в любом другом опусе с улицы Казакова, где прописан «Гоголь-центр».

Там же или оттуда же — бесконечные укулы в адрес советской власти, навязчиво перерастающие в конкретный политический контекст и напоминающие сведение счетов со страной. Сочинители так увлечены темой, что готовы и на подставку. Не был знаменитый нуреевский «прыжок к свободе» осознанным. Решение возникло спонтанно, когда бузотера решили досрочно вернуть домой. Мы не знаем, как сложилась бы его жизнь в дальнейшем, и, вполне возможно, он все равно бы оказался на Западе. Но не потому, что был ярким и убежденным противником режима — политика его не интересовала. Тогда, в 1961-м, в парижских магазинах 23-летний Нуреев покупал ткани для костюма Ферхада — роли в балете «Легенда о любви», к которой готовился и о какой мечтал до конца своих дней. Сожалел танцовщик и об оставленном в багаже игрушечном поезде. Он, родившийся в вагоне под стук колес, считал паровоз своим талисманом. Став невольным изменником Родины, Нуреев страдал от вины перед родителями, то-сковал по дому, по той жизни, где остались свои. Загулял боль гулкой роскошью и вседозволенностью желаний.

В спектакле эпатаж личной жизни «перетянул» тему великого нуреевского танца с необузданным темпераментом «дикаря» и мощной харизмой, которая испугала даже Джорджа Баланчина. Авторам байопика хватило того, что составляло лишь публичный образ Нуреева: несметных богатств, потоков сквернословия, умения обижать людей. Вздорный эгоизм, склочный характер, самоуверенный нрав, соблазн пороков — в центре внимания. Многосложная жизнь одержимого танцем артиста-трудоголика — за кадром.

Лишь несколько раз проникаешься теплыми чувствами к персонажам. Дуэт Нуреева с английской примой Марго Фонтейн у Лантратова и Марии Александровой таит порывы, страхи, сомнения — целую россыпь чувств, замешанных на настойчивом творческом влечении друг к другу и нежности, рождающейся в глазах. Этот кульминационный эпизод спектакля Юрий Посохов срифмовал с балетом «Маргарита и Арман», легендарным спектаклем, сочиненным для Марго и Руди Фредериком Аштоном.

Музыка Ильи Демущего самостоятельной ценности не имеет, она изначально прикладная, дансанта, удобная для танцев по ритмам и мелодиям. Цитаты из всех балетов наследия, плюс — из Малера, Листа, Шенберга, смешиваются и прорастают в тонких аранжировках. Печальная татарская песня проходит лейтмотивом патетику слов.

На музыку Адажиетто Малера «отанцовывается» женское письмо второго акта, написанное Аллой Осипенко, оказавшейся последней советской балериной из работавших с Нуреевым, и Натальей Макаровой, ставшей второй беглянкой после Рудольфа. Звучащий текст не отвлекает от танца, потому что Светлана Захарова, необычайно убедительная в соло Дивы, трогательно передает непростые мысли о сути профессии, требующей жертв, и остается пьяницей ко-

кетливой даже в одиночестве, без привычных для этюда всплесков камер.

В титульной роли Владислав Лантратов, танцовщик талантливый и умный, подчеркивает маниакальное желание Нуреева быть первым и разгадывает природу таланта «первобытного дикаря», мечтавшего сделать свой мир — театром. Таким, где вне сцены, на коей он — раб, его окружают дворцы, и он восседает как Король-солнце. После маски правителя герой примеряет на себя лик Лунного Пьеро (когда-то Глен Тетли ставил для юного Руди этот горестный образ) — страдающего, одинокого.

В финале спектакля Лантратов проникается магнетизмом Нуреева, когда тот уже не мог танцевать, но поистине завораживал и вне сцены. Смертельно больной, почти лишennyй сил, Нуреев все-таки вступает в спор со смертью. Медленно спускается в оркестровую яму и взмахивает палочкой. Послушный оркестр подхватывает. На сцене — «Тени» из «Баядерки», ставшей лебединой песней Нуреева. Жизнь гордого Чингисхана балета, которую он выстраивал как хоровой герой примеряет на себя лик Лунного Пьеро прочувствованную роль, — у последней черты. Безумец дорожил только искусством, все остальное — прилагалось. В спектакле смыслы поменялись местами, и многое выставлено на продажу. «Я — татарин, меня голыми руками не возьмешь», — улыбнулся бы Нуреев.

«Письмо к Руди». Дива — Светлана Захарова

ФОТО: МИХАИЛ ГОТФИНСКИЙ/БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Матильда в стране чудес

КСЕНИЯ ПОЗДНЯКОВА

На основной сцене Театра Наций прошли премьерные показы «Синей синей птицы».

«Хотите увидеть праздник? Prego!» — восклицает в самом начале облаченный в яркий красный наряд владетель парка аттракционов Гастролли (Гурген Цатурян). Приходится признать, что именно этой фразой могла бы быть украшена афиша спектакля, вдохновенного метерлинковской «Синей птицы». Конечно, сюжетно мюзикл, придуманный труппой из «Московского Королевского театра», куда, помимо режиссера Олега Глушкова, входят сценограф Вадим Воля и художник по костюмам Ольга-Мария Тумакова, значительно отличается от пьесы прославленного бельгийца. Герои обрели иные имена, а классическим персонажам добавились новые, на-

пример Карамельный король, говорящий Ворон, странноватый доктор и даже сам синьор Гастролли. В итоге перед зрителем, юным и не очень, разворачивается история

девочки Матильды (Дарья Макарова), которой, подобно андерсеновской Герде, предстоит отправиться на поиски брата Тилия (Павел Акимкин). В сопровождении плю-

«Синяя синяя птица»
Театр Наций
Режиссер-хореограф:
Олег Глушков
Сценография: Вадим Воля
Художник по костюмам:
Ольга-Мария Тумакова
Композиторы: Сергей
Боголюбовский, Дарья Ставрич
В ролях: Муся Тотибадзе, Дарья Макарова, Павел Акимкин,
Татьяна Щанкина, Гурген Цатурян,
Станислав Беляев, Евгений Зайцев,
артисты Детского музыкального
театра юного актера.

шевого мишки Тиделя ей придется совершить путешествие к Вратам ночи. На пути девочку ждет река Забвения, встреча с коварным Карамельным королем и его липкими подданными, побег от сумасшедшего орнитолога.

Помимо занятого сюжета, основанного как на самой «Синей птице», так и на множестве других сказок, отличного либретто, текст которого увлечет как детей, так и родителей, Театр Наций предлагает интересное визуальное решение. Яркие декорации, напоминающие конструктор «Лего», монтируются с потрясающим видеорядом. Благодаря мастерам компьютерной графики на сцене в режиме реального времени идет снег, льет дождь, горит огонь, летают филины и ползают гигантские пауки, а под потолком парит настоящая птица счастья.

Пожалуй, придраться можно лишь к музыкальной составляющей. Строгие критики наверняка припомнят мелодии Ильи Саца, созданные для знаменитого мхатовского спектакля, или даже «Синюю птицу» в исполнении «Машины времени». Конечно, мюзикл еще не успел уйти в народ, однако дети уже сегодня радостно подпевают финальному рэп-батту и восторженно следят за происходящим на сцене все полтора часа, что длится спектакль.

Олег Глушков: «Взрослым хочется праздника не меньше, чем детям»

Обозреватель «Культуры» пообщался с режиссером-хореографом Олегом Глушковым.

культура: Как Вы пришли к Метерлинку?

Глушков: Да мы, можно сказать, не пришли к Метерлинку, а ушли от него. Началось все с того, что с Вадимом Волей и Ольгой Тумаковой мы задумали сделать большой зрелищный спектакль, который понравился бы как детям, так и взрослым. «Синяя птица» возникла сама собой. Правда, когда мы начали работу, стало очевидно, что сочиняем совершенно новую историю с несколькими новыми персонажами и обстоятельствами. Рассказать ее мы решили современным понятным языком. Насколько далеко в итоге спектакль уйдет от Метерлинка, нас мало волновало. Мы не старались придерживаться оригинала, скорее, вдохновлялись им. В нашей истории полтора десятка сказок: «Снежная королева», «Гулливер» и многие другие.

культура: Зачем понадобилось переименовывать главную героиню. Не боялись, что возникнут ассоциации с другой Матильдой?

Глушков: Мы об этом не думали. Просто сочиняли новый мир, и внешне это нам стало очевидно, что Матильда должна стать Матильдой.

культура: В пьесе Метерлинка Синяя птица воплощает образ счастья, которое всегда где-то рядом. А что она символизирует для Вас?

Глушков: В нашей истории она стала образом искренности и какой-то настоящей правды. Внутри же мы всегда знаем, какой путь верный, где правы, а где малодушно начинаем. Так что наша Синяя птица напоминает внутренний камертон.

культура: Не зря же в финальной песне звучат слова: «Это маяк у тебя внутри, это свет, на который нужно идти».

Глушков: Но у пути должна быть какая-то цель. То есть Ваш спектакль все-таки о взрослении?

Глушков: Не совсем. Мне кажется, это путь к той самой искренности. Путь к себе настоящему. В детстве особенно трудно оставаться самим собой. Приведу простой пример.

Если вокруг все плюются, а ты не любишь плеваться, то выглядишь странным. Так вот наша история о путешествии внутрь себя.

культура: А почему тогда в программке есть ремарка о том, что это очень-очень страшная сказка?

Глушков: Потому что узнавать себя довольно жутковато. Готов ли ты увидеть себя, узнать, какой ты на самом деле? Может, тебе кажется, что ты хороший, а это не так. Кроме того, в спектакле есть довольно мрачные моменты. Например, когда Матильда оказывается в Царстве ночи. Впечатлительные дети могут испугаться.

культура: В спектакле очень много аллюзий, рассчитанных на взрослых: Карамельный король — вылитый Элвис, птицы, тарасащиеся на Матильду в клетке, — намешка над современной публикой. Постановка должна быть интересна и родителям?

Глушков: Конечно, взрослым ведь тоже хочется праздника. Для нас было важно, чтобы спектакль не превращался для родителей в муку. Но в то же время нам не хотелось скатиться в философскую притчу, в которой юные зрители ничего не поймут. Особенно приятно, когда и дети, и взрослые на равных переживают за нашу героиню. В сказке меня больше всего привлекает возможность серьезного разговора на примере очень простой истории, ясной даже детям.

культура: Современного ребенка, погруженного в мир гаджетов, трудно удивить?

Глушков: Не столько удивить, сколько заинтересовать. При этом я уверен, что дело не только в гаджетах. Любой человек готов сопереживать, нужно только поймать его внимание.

культура: У Вас самого растет маленькая дочка. Привлекали ее в качестве фокс-группы?

Глушков: На Саше сложно проверять какие-то находки, все-таки она еще очень маленькая, но порой после репетиции слышу, как она напевает тот или иной мотив, повторяет какие-то фразы. Значит, понравилась. Одна ее придумка и вовсе попала в спектакль. Помните, когда к Тилию приходит доктор и ставит

ему диагноз: «хомеотит», так вот это Сашино слово.

культура: В Театр Наций приглашают исключительно именитых режиссеров. Давила ответственность?

Глушков: Нет. Скорее, боялся поведать коллег, с которыми делал спектакль, приглашенных артистов. Ну и, само собой, наших зрителей и детей.

культура: Руководство театра как-то участвовало в постановке, чего-то требовало?

Глушков: Евгений Миронов подключился к нашей работе на последнем этапе. Мы как раз начали переносить спектакль из маленького репетиционного зала на большую сцену. Было очень много сложностей с костюмами, декорациями. Так что его помощь оказалась бесценной, особенно это касается актерского мастерства.

культура: Когда брались за Метерлинка, подспудно соревновались со знаменитым мхатовским спектаклем?

Глушков: Если честно, то я его не видел. Это москвичи помнят «Синюю птицу» с детства. А я родился в Омске, и постановка прошла мимо меня. Взвешивая за пьесу, собирался сходить во МХАТ, но пока не успел. Обещаю, что посмотрю.

культура: Вы окончили балетную студию при Омском музыкальном театре. Почему отказались от карьеры танцовщика?

Глушков: Дело в том, что я заболел менингитом, и врачи запретили мне танцевать. Тогда я поступил на балетмейстерский факультет и начал работать как хореограф.

культура: А почему в итоге предпочли драматический театр?

Глушков: Это мой осознанный выбор. Профессиональные танцовщики делают ставку на форму, а драматический артист воспринимает форму как инструмент, с помощью которого может донести важную для него и режиссера мысль. Для меня это значительно интереснее.

культура: Вы работали со многими известными режиссерами: Захаровым, Кончаловским, ставили для Вахтанговского, МХТ имени Чехова. Кто из мастеров повлиял на Вас больше всего?

Глушков: Каждый по-своему. Мне сложно выделить кого-то одного. Например, Андрей Сергеевич — удивительный человек. Мы вместе в чем-то не совпадаем, у нас разнятся театральные вкусы, но сотрудничать с ним было невероятно занимательно. Кстати, благодаря Кончаловскому начал носить кашоши. Марка Анаольевича считаю театральным дедом, потому что, когда еще учился в аспирантуре, ходил смотреть спектакли его курса. Это было нечто особенное. Тогда мне и в голову не приходило, что смогу поработать с ним в «Ленкоме».

культура: Сегодня Вы и сами преподаете в ГИТИСе сценическое движение. Вам интересно с молодым поколением?

Глушков: Безусловно, работа с ними очень омолаживает.

культура: Вы много ставите на Западе. Чем европейский театр отличается от нашего?

Глушков: У нас пока работа строится свободнее. Например, если сегодня после спектакля мне захочется что-то изменить, то я могу это осуществить, договориться с артистами, попросить всех выйти пораньше. На Западе, например, в Норвегии, где я часто ставлю, после премьеры уже ничего нельзя поправить. Считается, что у тебя было достаточно времени по ходу репетиций. После — никаких замечаний. Кроме того, там проектная система, спектакль идет пять недель, а потом снимается с афиши.

культура: В финале «Синей, синей птицы» звучит такая мысль: «Если верить и стремиться, то все достижимо». Сами верите?

Глушков: Безусловно. Иначе бы в спектакле этих слов не было.

Данил Стеклов:

«Если человек ничтожен, то и артистом он будет неважным»

ДЕНИС СУТЫКА

На экраны с разницей в неделю вышли картины «Жги» Кирилла Плетнева и «Близкие» Ксении Зуевой. В обеих сыграл молодой актер МХТ имени Чехова Данил Стеклов. В первой ленте артисту досталась роль неуровневшегося зрителя «зоны», во второй — школьника-отморозка.

культура: Вам довольно часто приходится играть негодяев. Не боитесь стать злодеем ампулы?

Стеклов: Пока нет. Мне всего 24 года. Если честно, очень хочется работать. А негодяи — они тоже разные бывают: у каждого своя судьба, свой характер. Кстати, сейчас сыграл еще одного — в фильме «Подбросы» Ивана Тандерковского. В картине рассказывается о молодом парне-детдомовце, который совершенно не чувствует боли. Судья, адвокат, прокурор и сотрудник ДПС решают использовать его способность в своих корыстных целях: заставляют бросаться под машины, а затем вымогают у водителей деньги. Я как раз исполнил роль нечистого на руку лейтенанта ДПС.

культура: А никогда не задумывались, почему Вам так везет на отрицательных героев?

Стеклов: Честно говоря, странно, что кинорежиссеры разглядели во мне отрицательную харизму. Ведь первая роль, которую мне в «Сатириконе» доверил Константин Райкин, — Ромео. В МХТ имени Чехова в основном играю недалеких, но положительных персонажей. Взять хотя бы «Деревню дураков», «Мушкетеров» и «Бойюся стать Колей». Может быть, дело в том, что моя дебютная роль в кино — хулиган в фильме «Любовь в большом городе 3».

культура: В фильме «Жги» Кирилла Плетнева вы создали образ беспринципного охранника-маньяка. На что опирались?

Стеклов: Кирилл приводил мне в пример охранника Перси из легендарной картины «Зеленая миля». То есть человека, которого невозможно в принципе оправдать: он негодяй априори.

культура: А в жизни сталкивались с кем-то подобным?

Стеклов: В школе со мной такой парень учился. В театре, слава Богу, подобных людей не встречал. Хотя, может, просто они искусно скрывают свое истинное лицо, а я в силу возраста не вижу «оволка в овечьей шкуре» (смеется). К сожалению, не верю, что в театре и кинематографе такие личности не попадают. Мой мастер — Константин Райкин — постоянно говорил: сцена — увеличительное стекло. При этом я глубоко убежден, что если человек ничтожен, то и артистом он будет неважным.

культура: У Вашего героя в спектакле Константина Богомолова «Мушкетеры» Сага. Часть первая» немного иной взгляд: мол, чем больше званий у артиста, тем он ничтожнее как человек.

Стеклов: Это же просто ирония. Константин Богомолов — человек очень умный, при этом довольно циничный и неверующий. У меня другие убеждения: верю в духовные искания, карму. Грубо говоря, делай добро, и оно к тебе вернется. Может, по меркам сегодняшнего дня это покажется глупым, но по-другому жить не умею.

культура: Как считаете, подростки сегодня действительно так жестоки, как Ваш герой в «Близких»?

Стеклов: К сожалению, таких немало. Стоит просто зайти на YouTube, где есть масса роликов, как школьники избивают девочку, а парни стоят рядом и подтрунивают.

Сам я не был жестоким. В юности много читал, смотрел авторские фильмы. Не «Звездные войны», а картины-высказывания, заставляющие работать мозг, анализировать, проводить параллели с жизнью. А некоторые даже этого не делают, а естественным образом атрофировались. Мне вообще кажется, что наше поколение очень необразованно. Я порой чувствую себя неучем, потому что кроме как прочитанными книгами ничем похвастать не могу. На уроках химии и физики был всего несколько раз. Из-за этого меня даже из школы выгнали, последние три класса учился в экстернате. У меня, по сути, выбора не было, куда поступать — только в театральный. А если человек еще и не читает книг, то куда ему деваться? На мой взгляд, в этом виноваты не только подростки, но и в целом система образования, которая оставляет желать лучшего. Самое главное, что я хочу сделать для своего ребенка, — дать ему хорошие, практические знания. Чтобы он был интересным и умным человеком.

Из меня вот только глупый артист получился. (Улыбается.)

культура: Кстати, а почему из «Сатирикона» ушли? Казалось бы, после курса Райкина Вам туда прямая дорога?

Стеклов: «Сатириконе» навсегда останется для меня вторым домом. У меня там служат мама и отчим. После школы поступил почти во все театральные вузы и сомневался, что выбрать: ГИТИС или Школу-студию МХАТ. В день конкурса позвонил Аркадий и пригласил побеседовать. Он объяснил, что в ГИТИСе немного другая манера преподавания, и там мой темперамент угасит. В итоге пошел учиться к Райкину. Константин Аркадьевич — очень требовательный руководитель. На третьем курсе меня утвердили на главную роль в фильме «Граф глоб пропил», но мастер не отпустил на съемки. Его упрямила режиссер Александр Велединский и Константин Хабенский, однако он остался непреклонен. Конечно, было немного обидно.

После института я вдруг понял, что пора взрослеть, и ушел из дома. А вместе с этим ощутил потребность найти новый театр. Устроился в «Тоголь-центр». Однако там не сложилось: репетиции превратились в адское мучение. До этого меня приглашал к себе Олег Павлович Табаков, но у меня уже была договоренность с Серебренниковым, и я отказался. Спустя два месяца вновь попросился в МХТ, меня взял в свой спектакль «Карамазовы» Константин Богомолов.

культура: Над чем сейчас работаете?

Стеклов: Евгений Марчелли ставит «Дачников» Горького. Я играю Вааса — довольно большая и интересная роль. Премьера в конце февраля. Евгений Жозефович — очень добрый человек. Я впервые встречаю режиссера, который так трепетно относится к артистам. Он не то что не кричит, взгляд сурового не бросит. Даже не знал, что спектакли могут рождаться в любви и согласии.

культура: Звездная фамилия никогда не мешала?

Стеклов: В один год со мной поступили Ваня Янковский, Вера Панфилова, Георгий Пустельга и еще ряд детей известных родителей. Помню, вышла какая-то желтая газетенка, где говорились, что театральные вузы опять набрали «блатных». Во время учебы я еще как-то переживал по этому поводу, а сейчас отношусь совершенно спокойно. Кто бы ни были родители, на сцену выходить только тебе.

Однако в институте конфликты на этой почве случались. Мой лучший друг — Максим Стоянов — приехал с периферии. Он работал на стройке, занимался боксом, а затем совершенно случайно поступил к Райкину. Поначало он издевался надо мной, говорил, что я жизни не нюхал, все мне преподнеси на блюдечке с голубой каемочкой, а я пытался зацепить его тем, что он мало образован. Однако постепенно мы пришли к осознанию того, что оба сильно заблуждались.

культура: Фильм «Близкие» исследует болезненные взаимоотношения в семье.

Стеклов: Режиссер Ксения Зуева — дебютантка. Она рассказывала свою личную историю, но не обошлось и без художественного вымысла. Считаю, что у нее получилось сделать высказывание о проблемах современной семьи. Многие сравнивают «Близких» с «Не любовью» Андрея Звягинцева и «Теснотой» Кантемира Балагова. Картины сняты по-разному, но поднимают одну общую тему — бездуховность семьи. К сожалению, у многих пар есть проблемы, схожие с теми, что показаны в фильме.

культура: А сами задумывались о создании семьи или пока на первом месте стоит карьера?

Стеклов: Трудно ответить, семья у меня пока нет, хотя, как мне кажется, я уже нашел своего человека. А вообще универсальных рецептов не бывает. Моя мама (заслуженная артистка России Агрипина Стеклова. — «Культура») родила меня на втором курсе ГИТИСа, и все у нее сложилось и карьеру прекрасную сделала, и ребенка вырастила.

Не факт, что у всякого состоявшегося человека получится построить гармоничные отношения. С годами мы становимся более консервативными и привередливыми. У меня немало друзей, которым за 35, и им очень сложно обрести вторую половинку. Просто привыкли к одиночеству. При этом им хочется семью, детей. Такой вот парадокс.

Мои родители развелись буквально через год после моего появления на свет, но вскоре мама познакомилась с отчимом — артистом Володи Бойшовым. В январе они отмечают 20-летие совместной жизни. Как-то же у них получилось стать счастливыми?! Это вселяет надежду.

«Убить» ради «Букера»

Гран-при «Русского Букера», доставшееся дебютантке Александре Николаенко, вызвало неоднозначную реакцию: кого-то привело в восторг, других в ужас, многих в замешательство. Среди уважаемых имен, на фоне панорамных исторических полотен «Убить Бобрыкина», казалось бы, не имел шансов на успех — ни осмысления прошлого, ни масштабных художественных задач. История о простых людях, еще и не очень счастливых.

Яркий роман-фантазматика, где явь смешивается со сном, прошлое определяет настоящее, а слабый, пытающийся отомстить сильному, вредит самому себе. Большой ребенок, недотепа и «дурак» Саня Шишин живет со старушкой-матерью и грезит о Танюше из тридцать третьей квартиры, только Таня, в лучших традициях жестокого дворового романа, замужем уже. Да за кем: «Бобрыкин ненавистный» травил Саню еще в школе. Вот и теперь рослый красавец является Шишину во сне, чтобы как следует оттаскать его за шкуру. Из карманов выпадают зеленые стеклышко, аверная ручка, кусок фольги, счастливый (если бы не правый ноль) билет. Сокровища пятиклассника или великовозрастного баббеса предназначаются в дар Татьяне — и регулярно ей преподносятся. Чтобы избавиться от визитов «спиха», молодой паре придется даже сменить место жительства.

Собственно, весь текст — серия февральские будни, расцененные походами на рынок за селедкой, колоритными репликами матери («Запозже моль сожрет» — приглашение к обеду. «Расседает, трещит, трещит... как свищ» — о непрошенных гостях) и воспоминаниями Сани о детстве. Тогда они с Танюшей дружили, смеялись всему «только палец покажи». «Как пес идет, как грач скачет... Как тетя Тося с тетей Дусей за субсидией собираются. «Субсидия» — смешно.

Сюжет, где одной из самых драматичных героинь становится демонизирующая отпрыском мать, сравнили с «Похороните меня за плинтусом». Профессиональный художник Александра Николаенко, в свое время даже иллюстрировавшая подарочное издание Санаева, с такой параллелью не спорит. «Книга Павла оказалась на меня огромное влияние, а когда вышел фильм, я была поражена и убита. Гимн искалеченной любви», — говорит она.

Другое, и более точное, сравнение — «Мелкий бес» Федора Солوغуба.

Во-первых, язык: весь роман написан вольным явбом. Тут, впрочем, вспоминаются и верлибры Алексея Ремизова, и «Петербург» Андрея Белого. Ритмические периоды и смысловые рефрены создают особую атмосферу, погружающую читателя в тонкий, абсурдный, по-детски наивный и зыбкий мир безнадежно влюбленного Сани. Во-вторых, «Бобрыкин ненавистный» — для Шишина такой же черт, как недотыкомка для соловуговского Передонова. Подобно тому, как «преследователь» Ардальона Борисовича, недотыкомка, мерещится несостоявшемуся инспектору повсюду: «то по полу катается, то прикинется тряпкою, лентою, веткою, флагом, тучкою, собачкою», Бобрыкин также возникает в воспаленном воображении Сани, куда бы тот ни пошел. Отправилась Шишин

в хозяйственный за веревкой и клубничным мылом: то ли хотел сам повеситься, то ли задуть счастливого соперника. Так сосед тут как тут: «Здорово, Шишкин аес!»

«Не будет Бобрыкин ненавистный стоять и ждать, пока я задую его веревкой, он меня сильнее. Вырвет веревку и наденет по шее, как в прошлый раз...» Вообще, Шишин убежден — Бобрыкин хочет его убить...

Еще одна ассоциация — «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева. Аналогия, хоть и натянутая, но не лишняя: резона: импрессионистский респондент (бунт изгоев против общепринятых ценностей, впервые термин появился у Ницше) в обоих случаях самоироничен. Если Венечка упорно бунтует у стен Кремля и считает сволочами всех, кто по утрам полон сил, бодрится и весь в надеждах, «дрянь, делая и посредственность. Гадок мне этот человек», то Шишин ненавидит род людской без оговорок. «Повсюду люди, — с раздражением думал он. — Битьем людьми набито, как в аптеке». При этом он, как и Венечка, злой: просто какой-то побитый, потрепанный. Да и ненавидит ли? Скорее, боится. Не меньший страх у него вызывает почтовые ящики («Засунешь руку, а там вдруг кошка, например, сидит. Возьмет и тпнет»). И турникеты — «тп, и прихлопнет». Поэтому, пока мать не видит, Саня показывает им дуло или язык.

Вообще, «погружение в мир большого человека» произвело гнетущее впечатление на некоторых критиков — необычный выбор жюри «Русского Букера» объяснили усталостью от эпохального размаха топовых авторов, утомлением от больших форм. В последнем есть доля истины и, видимо, иррациональная. С той только разницей, что яркий, авангардный и в то же время вписанный в традиционный текст — тем, кто не любит прозу Серебряного века, Николаенко лучше не читать — едва ли можно назвать «чернушным». Лиричные зарисовки о детстве, тех временах, когда «цветы не вянут, зими жарки, и можно заблудиться в белом яблочном саду». Забавны описания игр Танюши и Сани: «На бортике песочницы котлеты. К чаю куличи. Из одуванчиков компот. Картошка из камней. И Шишин камни чистит, а девочка из тридцать третьей снизу их в ведре варит. И посыпала все укропом из травы. Поели супа, стали чай варить. Но чаю оказалось мало в ближней луже, и вместе к морю Черному пошли, под горкой». Пронзительны детские клятвы: «А я умру когда, возьму с собой на память ржавый гвоздь, четырехлиственный клевер, старый ключ и перышко рябое, что ты мне подарил, автобусный билет счастливый, чертов палец... и если ты пойдешь со мной — тебя. «Пойду», — подумал он».

«Большая книга»

стала красной

12 декабря у входа в Пашков дом дежурили красноармейцы, на лестницах гостей церемонии встречали комиссарши в кожаных тужурках: «Вам в барский дом? Это там!» Путь указывали штыками. «Вихри враждебные» в качестве музыкального сопровождения, рябчики и ананасы на столе. Новый сезон крупнейшей отечественной премии «Большая книга», проходивший под слоганом «Вся власть — русской литературе», вышел по-настоящему революционным.

Сергей Шаргунов

Обладатель Гран-при Лев Данилкин к историческим выводам относится с осторожностью: «Как сказано в романе Юзефовича «Журавли и караики», моралите убивает меседж. Выводы — они всегда мелкие и мещанские. Какой с них прок? История завораживает сама по себе, мы видим времена, когда люди были не такие, как сейчас, когда им удавалось породить ослепительную идею, да еще попытаться реализовать ее, вопреки всякой рациональности. Уже от этого голову сносит.

О головокружении автор фундаментального труда (пять лет поисков в архивах, путешествия по местам ссылки, без малого восемь сотен страниц) и очень необычно написанного текста говорил и после того, как получил награду.

Поздней ночью, с 25 на 26 октября, когда уже все было решено, Ленин и Троцкий остались вдвоем. Троцкий спросил: «Ну как Вы?» И Ульянов ответил по-немецки: Mir ist schwindlig. Сейчас, конечно, и я ощущаю приятное головокружение, а полгода назад, когда понял, что оказался в шорт-листе, почувствовал себя как наша футбольная сборная накануне матча с Бразилией. Слалком уж хорошо знал своих конкурентов. Пока служил литературным критиком, мне часто приходилось писать на них рецензии. Остается только поблагодарить те инстанции, которые смогли мне выжить среди сырьевых мира сего. И еще покойного Владимира Маканина. Недавно перечитывал его «Асан», там отец главного героя, персонаж второго ряда, мало кем замечаемый, вдруг ни с того ни с сего начинает рассуждать о Ленине. Есть, мол, такие народы, которые могут породить великие идеи, но потом они не приживаются. Этот смешной персонаж заканчивает свою безумную тираду стихотворением «Еще, конечно, впереди освобожденные Гроба Ленина». Пожалуй, освободить Ленина от панегриков, анекдотов и наговоров было необходимо.

Сергей Шаргунов выразил надежду на то, что врученная ему награда для многих станет поводом впервые прочитать или перечитать прекрасного и полузабытого сегодня Катаева. — Интерес к истории во многом связан со столетием революции. Но не только. У Лимонова есть сборник стихов «СССР — наш Древний Рим». Это наша Советская Атлантида. Наша античность, трагичная и грандиозная. Не проявленная до сих пор эпоха. Валентин Петрович Катаев, «вездесущий затворник», по выражению Евтушенко, как раз и оказался в сердцевине истории и литературы. Ученик Бунина, друг Булгакова, Есенина, Маяковского. Редактор, выпустивший всех шестидесятников в журнале «Юность». Человек, умудрившийся сохранять независимую и чувствующую силу его одинокого дара. Конечно, мне было обидно и досадно, что нет книги, где бы изучалась его жизнь и судьба. Вот я и провел расследование, выстроилась детективный сюжет. А что касается каких-либо оценок, то чем глубже погружаешься в историю, тем более сложная картина открывается. Перед тобой та самая полифония, которая так важна была Пушкину, когда он писал «Капитанскую дочку», где у всех своя правда: и у Петруши, и у родителей Маши, и у Пугачева, и у императрицы. Только так должно воспринимать нашу историю думающему и чувствующему человеку. Через упрощение ни к чему не придешь. Сейчас в дефиците равновесие. Заходишь иногда на «Фейсбук» — такая оголтелость со всех сторон. Не знаю, от чего: от беспомощности, бессилия

или беснования. Но возможно взаимное врачевание. Людей должны объединять устремленность в будущее, взаимопомощь, понимание важности человеческих принципов.

Шамиль Идиатуллин, комментируя свою победу, вспомнил о знаменитой гегелевской спирали, которая иногда превращается в карусель.

— Мы сами ее вращаем и наступаем на одни и те же грабли, заботливо нами расставленные. Говорят, моя книга, созданная в этой атмосфере, отсылает к сегодняшнему дню, кто-то считает,

романом, посвященным Нестору Махно. Открытия были и в длинном списке: Дмитрий Данилов «Сидеть и смотреть», Юрий Буйда «Покидая Аркадию» и Анна Старобинец «Посмотри на него». Данилов — мастер русского дзена, в его книгах вроде бы не происходит ничего, но удивительным образом в них концентрируются весь мир и вся жизнь. Буйда создает потрясающие фантазматики на бытовом и даже обыденном материале, а Старобинец превратила свой собственный травматический опыт в важнейшую книгу о трагедии материнства.

Конечно, на этот раз мало-мало современности. Соглашусь, серьезная проблема. Но ее сейчас преодолевают такие писатели, как Сальников и Идиатуллин. Настоящее заслуживает не меньшего внимания, чем прошлое.

К мнению о том, что биография — не настоящий роман, эксперты относятся скептически. Хорошая книга — та, что является самостоятельным художественным высказыванием, которое осмысливает тот или иной пласт проблем, вопросов и явлений. А на каком это сделано

Лев Данилкин

Владимир Толстой поздравляет Шамиля Идиатуллина

что мы снова оказались в восьмидесятых. Честно говоря, не вижу смысла жить в прошлом и прошлым. Я бы предпочел существовать в реальности, где каждый делает выводы сам. Но для этого мне необходима возможность изучить все исходные материалы самому.

По мнению литературных академиков, этот сезон отличается от предыдущего тем, что в финальном списке нет компромиссов. — Любая книга — событие. Каждая из них останется в литературе вне зависимости от того, отмечены они наградой или нет, — считает критик, член экспертного совета Дмитрий Сальников. «Петровы в гриппе и вокруг него» — это гротеск, черный юмор, блистательная ирония. Конечно, нельзя пропустить Михаила Гиголашвили и его «Тайный год» и Александра Малышева с «Номомахом»,

материале — историческом, вымышленном или документальном, — значения не имеет.

С биографиями возникают определенные сложности, — замечает председатель экспертного совета Михаил Бутов, — есть опасность смещения акцента с достоинств собственно книги на фигуру героя. Думаю, такого переноса нам удалось избежать. «Ленин», написанный Львом Данилкиным, настолько необычен в контексте всего сказанного на эту тему прежде, что, безусловно, представляет собой весьма оригинальное произведение. И Сергей Шаргунов в жизнеописании Катаева нашел по-настоящему живую интонацию, позволяющую рассматривать произведение именно как художественный текст. Читательское голосование определено не в последнюю очередь тем, что биографии многим интереснее, чем современные романы. Вероятно, причина в «крепкой», неускользающей реальности.

Филипп Дюран: «Трентиньяну претили эротические сцены»

Юрий КОВАЛЕНКО Париж

11 декабря дуайену французского кино Жан-Луи Трентиньяну исполняется 87 лет. Последние годы он живет отшельником в родных местах на юге Франции. Снимается редко — исключение сделала для Михаэля Ханеке, сыграв в фильмах «Любовь» и «Хеппи-энд». Ко дню рождения Трентиньяна историк кино Филипп Дюран выпустил в свет биографию артиста. С писателем, автором книг о Симоне Синьоре, Жераре Филипе, Жане Габене, Лино Вентуре, Жан-Поле Бельмондо, встретился корреспондент «Культуры».

культура: О Трентиньяне по-прежнему ходит много легенд. Его принято считать человеком закрытым, нелюдимым, загадочным и даже циничным. Какой же он на самом деле?

Дюран: Я познакомился с Жан-Луи лет двадцать назад и смею думать, что хорошо его знаю. Поэтому и взялся за биографию. Он умный, очаровательный, наделенный особым чувством юмора. Совсем не похож на своих коллег по цеху. И, разумеется, выдающийся артист.

культура: В молодые годы Трентиньян постоянно жаловался на то, что абсолютно лишен актерского дара. Почему же тогда он избрал именно это ремесло?

Дюран: Потому что не знал, чем заняться. Вопреки семейным уговорам, он не хотел становиться нотариусом или адвокатом. А в театральную школу начал ходить только для того, чтобы преодолеть врожденную застенчивость. Преподаватели, в том числе знаменитая Тая Баашова, его хвалили, и тогда Жан-Луи решил попробовать себя на сцене.

культура: Неизвестно, как сложились бы судьба Трентиньяна, если бы не культовый фильм Роже Вадима «И Бог создал женщину», где его партнершей стала сама Брижит Бардо.

Дюран: На съемках между ними вспыхнул роман, о котором сразу же разругали газеты. Благодаря этой связи о Жан-Луи впервые узнала широкая публика. Всех интересовало, кто этот молодой человек, ставший любовником главного секс-символа Франции.

культура: Не был ли этот роман мезальянсом? Она — признанная звезда, а он — дебютант, делающий первые неловкие шаги.

Дюран: В конце 50-х — начале 60-х годов в мире царил эротический культ, так что подобная связь считалась в порядке вещей. Правда, Бардо и Трентиньяна связывали настоящие чувства. Брижит вспоминала, что многим обязана Жан-Луи. Однако увлечение оказалось скоротечным, и ветреная звезда вскоре упорхнула к певцу Жильберу Беко, но это уже другая история.

культура: Чем Трентиньян так привлекал женщин?

Дюран: Этим вопросом я задавался на протяжении всей работы над его биографией. Думаю, он кружил голову слабому полу, делая ставку на свою застенчивость и неологовость. Женщинам хотелось взять его под опеку, защищать, оберегать, покровительствовать. К тому же у него удивительно проницательная, магическая улыбка, которой невозможно сопротивляться. Так или иначе, его донжуанскому списку позавидовали бы многие актеры.

культура: Трентиньян — хорошо запомните это имя, потому что вы никогда больше его не услышите! — иронизировал знаменитый критик газеты «Фигаро» Жан-Жак Готье. Неужели артист был настолько плох?

Дюран: Сам Жан-Луи признавал, что в начале своей карьеры играл ужасно. Хотя лично я не считаю его первые роли совсем никчужными. На мой взгляд, он был не столько плохим, сколько другим, не похожим на остальных. Не соответствовал канонам тех лет. В моде были красавцы вроде Жана Маре или Жерара Филипа. Однако Трентиньян сумел обратить на себя внимание. А это, может быть, самое главное для дебютанта.

культура: Славу Трентиньяну принесло кино. При этом сам он не перестает утверждать, что предпочитает театр. Возможно, немного лукавит?

Дюран: Вначале он, как и все настоящие актеры, гресил только о сцене. Играл в пьесах Шекспира, Мольера,

Расина, Мариво. В кино Жан-Луи попал случайно. Хотел немного заработать. Кроме того, на этом настаивал его агент. На съемочной площадке скучал, кинематограф сравнивал с производством консервов, где все помешаны на деньгах и тщеславии. Однако, что бы он ни говорил, Трентиньян обожает сниматься, в его послужном списке за шесть десятилетий около 170 фильмов и телефильмов. Он понимает, что на сцене круг зрителей ограничен. Театральное действие мимолетно, а кино практически вечно.

культура: Чем Вы объясняете, что своим лучшим фильмом Трентиньян называет «Конформиста» итальянского режиссера Бернардо Бертолуччи?

Дюран: Именно в этой ленте он по-настоящему открылся. Впервые проявилась его необычная манера — холодная, отстраненная, отчужденная.

культура: Сразу после «Конформиста» Бертолуччи предложил ему звездную роль в «Последнем танго в Париже». Почему Трентиньян отказался?

Дюран: Прежде всего он не любил сниматься два раза подряд у одного и того же режиссера. Но главное — сюжет показался ему скандальным. В силу своего характера ему претили эротические сцены. Трентиньян не хватало нахальства и спеси Марлона Брандо, который в итоге сыграл в «Последнем танго».

культура: «Слава никогда не кружила Трентиньяну голову», — отмечал режиссер и актер Робер Оссейн. — Ему важнее простые радости жизни». Он был лишен амбиций. Это недостаток или достоинство?

Дюран: Для того времени, скорее, достоинство. Жан-Луи особо не стремился к успеху, не ставил цели быть первым, его больше интересовали поиски чего-то нового, необычного. Однако уже в 70-е годы наравне с Монтаном, Делоном и Бельмондо, Вентурой он вошел в обойму главных звезд французского кино.

культура: Однажды Трентиньян сказал, что с Делоном и Бельмондо у него разные профессии. Что он имел в виду?

Дюран: Алену и Жан-Полю приходилось постоянно поддерживать статус суперзвезд, делать кассу. Они не

имели права на ошибку. Трентиньян же мог себе позволить сниматься в лентах, не приносящих гигантских сборов. Жан-Луи принадлежит к той исчезающей расе лицедеев, которых искусство интересует больше, чем деньги. Этим он, кстати, отличается от того же Делона.

культура: В историю кино Трентиньян вошел в первую очередь благодаря картине Клода Лелуша «Мужчина и женщина». Чем Вас поразила его игра в этом фильме?

Дюран: Простотой и естественностью. Он ни в кого «не перевоплощается», никого не изображает, остается самим собой. Жан-Луи говорил: «В течение многих лет — хотя я и снялся более чем в 25 лентах — я оставался неважным актером, в хорошем мне удалось превратиться только на съемках «Мужчины и женщины».

культура: Что помешало ему попытаться счастья в Голливуде?

Дюран: Штаги не привлекали его прежде всего с политической точки зрения. Он ценил американских режиссеров, но не испытывал никакого желания у них сниматься. По опыту других он знал — Голливуд губит европейский актер.

культура: Действительно ли актер был близок к коммунизму, верил в торжество их идей и даже продавал газету «Юманите»?

Дюран: Несомненно. Он и сам этого никогда не скрывал. Его увлечение связано с тем, что в послевоенные годы коммунизм был моден среди французских интеллектуалов. В нем видел красивую утопию, которую хотели распространить на Францию. Тогда властителями дум выступали Жан-Поль Сартр, Луи Арагон и другие. Нравились Трентиньяну и анархические идеи — хотя он и признавал, что «ими не спасешь мир».

культура: Трентиньян оказался необычайно удачлив не только в любви, но и в картах. Как случилось, что покер стал для него настоящей страстью?

Дюран: Покер научил Трентиньяна многому из того, что потом пригодилось в кино: вводить в заблуждение, скрывать чувства, блефовать, понимать психологию противников. За столом Жан-Луи не было равных. Режиссер Клод Лелуш видел в нем настоящего игрока, который сошел со страниц романа Достоевского. При

этом артист никогда не терял хладнокровия и часто выигрывал крупные суммы.

культура: Еще одним увлечением Трентиньяна были автомобильные гонки. Ему постоянно требовались новые ощущения?

Дюран: Он вырос в семье, где царил культ автомобиля, а его дядя Морис был знаменитым пилотом. У самого Жан-Луи вначале не очень получалось — излишне нервничал, был неловок, но постепенно понял: на трассе, как и на сцене, самое важное — контролировать себя. Гонки служили для него забавой. Жан-Луи всегда стремился к риску и не раз ставил свою жизнь на карту. Однажды во время ралли его машина разбилась в лешку, а он выбрался с улыбкой без единой царапины.

культура: Рисканной затеей стала и проба в качестве режиссера. Полагаете, он переоценил собственные возможности?

Дюран: Неудача на режиссерском поприще едва ли не главное разочарование Трентиньяна в жизни. Он мечтал снимать умные поэтические фильмы, полные юмора, но они выходили скучными и провалились в прокате.

культура: Удалось ли актеру пережить главную трагедию — смерть дочери Мари?

Дюран: Жан-Луи до конца так и не оправился от удара. Когда это случилось, он надоело замкнуться в себе, нигде не выступал. Друзья полагали, что он вряд ли сможет возвратиться в профессию, но ошиблись. После десятилетней перерыва Трентиньян триумфально вернулся в кино. Фильм Михаэля Ханеке «Любовь» получил «Золотую пальмовую ветвь» в Канне.

культура: Станет ли он снова сниматься?

Дюран: Не сомневаюсь, если Ханеке, Лелуш или кто-то другой предложат роль, которая его по-настоящему заинтересует. И слава Богу! Значит, в нем жива жажда творчества... И пусть так будет как можно дольше.

культура: Трентиньян до сих пор выступает на сцене с музыкально-поэтическими композициями. Рассчитывает пробудить во французях давно угасший интерес к поэзии?

Дюран: С маадых ногтей он увлеклся Рембо, Верленом, Бодлером, Аполлинером, Арагоном. Питье, по его словам, опережают свою эпоху, и чем труднее жизнь, тем больше человеку нужны стихи.

культура: Порой он утверждает, что из актера превратился в крестьянина. Так ли это?

Дюран: Жан-Луи частично преувеличивает. Не так давно он объявил, что ослеп. Выяснилось, что это не так, просто зрение у него с годами ухудшилось. Нет, он не стал крестьянином, но у него, как у многих актеров, есть свои виноградики.

культура: В молодые годы вино помогало ему бороться с комплексами. Он опять-таки преувеличивает, когда называет себя «немногом алкоголиком»?

Дюран: Ему нравится выдавать себя за человека робкого, заниматься самоуничижением, изображать из себя жертву. Однако его слова необязательно принимать за чистую монету.

культура: Трентиньян всегда с легкостью рассуждал о смерти и вот недавно сообщил о своей тяжелой болезни...

Дюран: Действительно, когда мы с ним познакомимся, Жан-Луи будет пристрасно и с юмором говорить о смерти. Мне ничего неизвестно о его недуге. Дай Бог, чтобы это снова было преувеличением.

Прикоснуться к «Божественному»

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

В венской галерее Альбертина проходит масштабная ретроспектива Рафаэля: почти 150 работ из ведущих мировых музеев.

Туристам и жителям австрийской столицы несказанно повезло: скажем, в ГМИИ им. А.С. Пушкина в прошлом году показывали лишь три рисунка и восемь картин гения Высокого Возрождения. Впрочем, даже та камерная экспозиция вызвала огромный ажиотаж. Что говорить о проекте в Альбертине: залы забиты под завязку, зрители ходят гуськом, терпеливо ждут, пока другие сделают selfie — фотографировать можно практически все. Выставка-блокбастер — формат, который выбирают многие музеи, включая российские, и в данном случае он совершенно оправдан.

В терминах сегодняшнего дня Рафаэль справедливо назвать настоящей звездой: он рано достиг успеха и славы, получил от современников титул «Божественный» и отошел в мир иной в 37 лет. Как писал исследователь искусства Джорджо Вазари, художник умер «после времяпрепровождения еще более распутного, чем

Ранних произведений Рафаэля, увы, не сохранилось, нам известны лишь датируемые первыми десятилетиями XVI века. В ту пору юный художник был уже сложившимся мастером. В портрете молодого человека (1503), ошибочно считавшемся изображением самого автора, обнаруживается совершенство линий и форм. Тогда же Рафаэль Санти рисует Мадонну с младенцем (около 1504): образ Девы Марии стал лейтмотивом его творчества.

В конце 1504 года живописец переехал во Флоренцию, где испытал влияние других титанов Возрождения: Микеланджело и да Винчи. Картина Леонардо с изображением Леды и лебеда (увы, не сохранившаяся) была скопирована молодым Рафаэлем. Это творение «Божественного» (1505–1506) для нынешней выставки предоставила королева Елизавета II. Кроме того, можно увидеть выполненный чернилами портрет Богоматери с младенцем Иисусом и ребенком Иоанном Крестителем (около 1508): подготовительную работу к высшей по соседству картине «Мадонна Эстерхази» (1508). А многочисленные наброски для «Мадонны на лугу» (1506) показывают, что за внешней легкостью скрывался многочасовой кропотливый труд.

Подобно другим мастерам Возрождения, Рафаэль был человеком многих талантов. В 1508 году он перебрался в Рим, где провел вторую половину жизни. Получил призвание не только как художник, но и как зодчий; стал главным архитектором собора Святого Петра, возвел капеллу Киджи церкви Санта-Мария-дель-Пополо. Пользовался покровительством сильных мира сего: папа Юлий II, пораженный талантами выполненными фресками для Станцы делла Сеньятура, поручил расписать еще три Станцы, отстранив от работы других авторов. Наброски к этим монументальным вещам также представлены на выставке. Завершает экспозицию рассказ о финальном шедевре «Преображение» (1516–1520). В частности, можно увидеть подготовительный рисунок «Голова апостола» (1518–1520), проданный в 2012-м на аукционе «Сотбис» за рекордные для графики 47,8 миллиона долларов. Это творение зрелого мастера: уверенное и ослепительно совершенное.

В случае Рафаэля, как и других рано ушедших гениев, есть соблазн поговорить о так и не созданных картинах, не построенных зданиях. Например, «Преображение», стоявшее у гроба художника, обнаруживая черты барокко, чей расцвет наступил в XVII веке. Каким оказалось бы творчество живописца, подари судьба ему еще двадцать лет, увидели бы мы эволюцию или крутой перелом — ответов на эти вопросы уже не получить. Впрочем, за отведенное время мастер успел немало: только рисунков он выполнил около 400. Большая монографическая выставка вполне соответствует его ренессансному масштабу. Конечно, сегодняшнему зрителю не просто поглотить огромное количество информации и понять произведения пятидесятилетней давности, наполненные библейской символикой, однако само прикосновение к совершенству незабываемо.

Александр Иваницкий: «Рекламные деньги затмили будущее спорта»

1963
Максим БОРОДИН

10 декабря отпраздновал 80-летний юбилей олимпийский чемпион по вольной борьбе Александр Иваницкий. Триумфатор Игр в Токио считается одним из лучших атлетов в своем поколении и за время выступлений не проиграл ни одной схватки зарубежным соперникам. После завершения карьеры нашел себя на телевидении, возглавив редакцию спортивных программ Гостелерадио СССР, и в этом качестве принял активное участие в организации московской Олимпиады. Накануне знаменательной даты Александр Владимирович ответил на вопросы «Культуры».

культура: Вы родились перед самой войной — в 1937-м. Детство отложилось отпечаток на последующие годы жизни?

Иваницкий: В четырехлетнем возрасте я пережил ленинградскую блокаду. Меня и моего брата Юрия спасла Дорога жизни, проложенная по льду Ладожского озера. Изможденных, опухших от голода, нас вывезли в тыл. Затем было возвращение в освобожденный город, начальная школа и дворовый спорт: городки, казаки-разбойники, футбол, хоккей, где мяч и шайбу заменяла пустая консервная банка. Катались на коньках, лыжах, велосипедах. Сами мастерили самокаты с помощью старых досок и подшипников. К слову, мы жили в знаменитом дворе, который называли «Дурдинка» — в доме с башенкой, на углу Обводного канала и Лиговского проспекта. Часто пересекались на улице с Эльвирой Озолиной, ставшей в 1960 году олимпийской чемпионкой в метании копья.

культура: Увлечение борьбой быстро переросло все остальные?

Иваницкий: Начал как самбист, хотя никогда не думал становиться спортсменом. В борцовский зал позвал приятель. Мне уже было почти семнадцать лет, довольно много, даже по меркам того времени. Тем не менее через месяц победил на чемпионате Ленинграда среди юношей в тяжелом весе.

Соревновались в актовом зале профтехучилища. Переодевались на месте. Одежду складывали прямо на лавочках и оставляли кого-то одного ее охранять. Мне спортивную форму выдали непосредственно перед стартом во временное пользование. Как тяжелолюб, выступал последним, поэтому было время понаблюдать за другими схватками. По ходу пришла в голову мысль. Вот соперники пожали руки, сделали шаг навстречу, оказались спина к спине, затем развернулись и сошлись в захвате. А что если после того, как я

окажусь за спиной оппонента, мгновенно развернуться — и броситься к нему в ноги, повалив на ковер. Так и поступил. Противника от волнения толком не разглядел, запомнил лишь лицо, усыпанное подростковыми прыщиками. Мы, как полагаюсь по тем правилам, пожали руки и разошлись. Когда он повернулся, я уже успел подхватить его под коленки и что есть силы дернуть. Всех деталей не помню, но когда завершился поединок, судья поднял мою руку в знак победы. Все поздравляют, а я в себя никак не могу прийти. Тренер выдержал паузу, а потом говорит: «А знаешь, у кого ты выиграл? У самого чемпиона Ленинграда прошлого года!» Да если бы мне перед схваткой сказали, что предстоит бороться со столь именитым соперником, то никогда бы не победил.

культура: После завершения карьеры Вы долгое время работали комментатором. Как оцениваете современное спортивное телевидение?

Иваницкий: Мне не нравится, что сейчас происходит. Все делается в угоду пресловутому рейтингу. Рекламные деньги затмевают собой важные детали, на которые следует обращать внимание, если всерьез думать о будущем спорта в стране.

культура: В последние годы борьба находится в кризисе и даже стояла на грани исключения из олимпийской программы. Что происходит с Вашим видом спорта?

Иваницкий: Причин несколько. Швейцарец Мартинетти до своего ухода с поста президента Международной федерации успел порядочно навредить.

Он, кстати, боролся в мое время и всегда числился среди аутсайдеров. Его считали откровенным трудсом. Таким и остался, получив высокий пост. Он и его предшественники так опасались представителей социал-демократии, что стали придумывать новые правила для нейтрализации нашего преимущества. Порой доходило до идиотизма. В случае ничьей победителя определяли жребием... Наш вид спорта превратили в фарс. В определенный момент Международному олимпийскому комитету надоело смотреть на этот беспредел, и они вынесли «черную метку». В первый раз отбились, но, думаю, МОК еще вернется к этому вопросу.

культура: От тяжелых мыслей о любимом виде спорта отвлекает многолетнее увлечение — Вы же заядлый грибник?

Иваницкий: Для меня поход в лес — не просто сбор грибов. Это Левитан, Шишкин, Кустодиев. Наслаждаюсь нашей природой во всех ее проявлениях. Однажды бродил в чаще больше шести часов. Мобильник где-то обронил. Сел возле поваленной березы и понял, что сбился с пути. Пот градом, жажда мучает. К счастью, вышел на деревенку. Подхожу к первой попавшейся избе, а там совсем молоденькая девочка. Надо сказать, что вид у меня был своеобразный. Трехдневная щетина, взъерошенный, губы сухие. Она же не растерялась. Дала напиться воды, выслушала и даже отвезла на машине до деревни, где я остановился.

культура: Правда, что один Ваш знакомый собирал грибы в «Сахаре»?

Иваницкий: Было такое. Родная деревня моего отца находится под Киевом. Там были песчаные дюны. Их засадили хвойными деревьями. И вот один мужик как-то приходит, раскладывает 450 белых и начинает их сортировать. Спрашиваю: «Где это вы их собрали? Он отвечает: «Как где? Там, в «Сахаре», под сосновыми веточками». Оказывается, белые на песке под соснами растут великолепно. Но никто об этом даже не знал, в том числе и специалисты.

ФОТО СЕРГЕЯ СОЛОВЬЕВА/РИА НОВОСТИ

Чемпионат мира по хоккею-2017. Россия—Швеция

Сергей Шепелев:

«Перед нашей хоккейной сборной стоит одна задача — Взять «ЗОЛОТО»

Константин НУЖДЕНОВ,
Дмитрий ЕФАНОВ

В нынешнем году московский международный хоккейный турнир празднует 50-летие. На этот раз в Парке Легенд играют не только традиционные участники Евротура — сборные России, Чехии, Швеции и Финляндии, но и команды Канады и Южной Кореи. Все они готовятся к Олимпиаде, поэтому выступают в составах, максимально приближенных к боевым. Ожиданиями от стартовавшего 13 декабря Кубка Первого канала с «Культурой» поделился олимпийский чемпион, лучший нападающий Кубка Канады 1981 года Сергей Шепелев.

культура: Насколько пристально будете наблюдать за матчами московского турнира?

Шепелев: Естественно, он вызывает большой интерес. Так было всегда, ведь это престижное соревнование. В советские времена его даже называли «малым чемпионатом мира». Во вторичном, ветераны, посетили музей отечественного хоккея, где к нынешнему розыгрышу подготовлена специальная экспозиция, посвященная истории турнира.

Кроме того, в этом году Кубок Первого канала — последняя перед Олимпиадой «проба пера» для многих участников, за исключением канадцев, которые под Новый год сыграют еще и в швейцарском Давосе на Кубке Шпенглера. В предыдущий раз московский турнир становился заключительной проверкой на прочность перед главным стартом четырехлетия в далеком 1993 году — Олимпиадой в Лиллехаммере, после которой в Играх стали принимать участие профессионалы из НХЛ.

культура: Наверное, добавляет интереса и изменение состава участников турнира, в котором после долгого перерыва сыграет сборная «кленового листа», а также впервые выступит команда Южной Кореи.

Шепелев: Безусловно. Всегда интересно познавать что-то новое, ведь о корейской дружине лично я не знаю практически ничего. Слышал только о том, что в ее составе есть несколько натурализованных канадцев, в том числе вратарь Мэтт Далтон, игравший в России за «Нефтехимик» и «Витязь». Весной следующего года команда впервые выступит в элитном дивизионе на чемпионате мира. И, естественно, дебютирует на предстоящей Олимпиаде — как хозяйка соревнований.

Что касается канадцев, то из всех событий, которые произойдут на Кубке Первого канала, мне наиболее интересна их встреча с подопечными Олега Знарка. Поединок с Канадой, в каком бы составе сборная этой страны ни выступала, всегда является серьезной проверкой. Североамериканцы бьются с первой до последней минуты, это у них в крови. Думаю, найдет «коса на камень». Переполненные трибуны увидят захватывающий матч в лучших традициях великого противостояния.

культура: Насколько, на Ваш взгляд, состав сборной России на Кубке Первого канала будет близок к тому, в котором команда сыграет на Олимпиаде?

Шепелев: Процентом на 90–95. Наверное, как и у других сборных. Если раньше тренеры могли себе позволить различные эксперименты, приглашение молодежи, то сейчас на решающую проверку сил они выставляют составы, максимально приближенные к олимпийскому варианту. Что ж, тем интереснее будет следить за соревнованием болельщикам и специалистам.

культура: Если среди полных игроков возможны варианты, то с вратарями, пожалуй, все понятно — в Корею поедет Илья Сорокин, Игорь Шестеркин и Василий Кошечкин. Согласны?

Шепелев: Да. Правда, пока вопрос, кто из них станет третьим — запасным.

культура: Значимость Олимпиады без игроков из НХЛ упала?

Шепелев: Снизились общий уровень турнира. Конечно, с участием всех сильнейших хоккеистов планеты он намного выше. В то же время олимпийская медаль в цене. Она как была, на мой взгляд, главной наградой в мировом хоккее, так ею и осталась.

культура: Сборную России по праву считают главным фаворитом Игр-2018?

Шепелев: Как и всегда. В то же время, полагаю, боеспособные коллективы привезут и основные соперники — канадцы, американцы, шведы, финны, чехи.

культура: Согласны с мнением, что отсутствие энхаэловцев на руку именно нашей команде, так как материальные условия в КХЛ позволяют выступать в лиге многим сильным хоккеистам, тем же Ковальчуку и Дацюку, а все лучшие игроки команд-соперниц сосредоточены за океаном?

Шепелев: Я думаю, существенного преимущества это не дает. Даже при отсутствии мастеров из НХЛ главные фавориты Олимпиады находятся примерно в равных условиях. За последние несколько сезонов за океан уехало большое число российских игроков.

Да и без них в Северной Америке наших выступает достаточно, в том числе и ярких звезд. В КХЛ же хватает неплохих канадцев, финнов, шведов и чехов. В составе зарубежных коллективов множество представителей нашего чемпионата. Практически все они сыграют на Кубке Первого канала.

культура: Как известно, сборная России выступит на Олимпийских играх под нейтральным флагом. Каково Ваше отношение к этому решению МОК?

Шепелев: Самое главное, что команда едет. Считаю решение не бойкотировать главное соревнование четырехлетия, озвученное президентом страны Владимиром Путиным и Олимпийским собранием России, абсолютным правильным. Да, выступим без флага и гимна. Но в такой ситуации нужно показать всему миру силу духа, характер и выиграть как можно больше медалей. Ведь все будут знать, что, несмотря на официальный нейтральный статус, награды завоевали именно российские спортсмены. Конечно, я в такой ситуации никогда не был, поэтому всей картины видеть не могу. Но мне кажется, что ощущение причастности атлетов к стране при отсутствии флага и гимна не пропадет. Как не пропадут и чувства болельщиков, которые, не сомневаюсь, будут поддерживать наших ребят, несмотря на все препоны. А может быть, даже сильнее. Ведь трудности, как известно, сплачивают.

культура: В составе сборной России на Кубок Первого канала всего два игрока представляют не СКА и ЦСКА. И то не факт, что они в итоге на турнире выступят. Еще одиннадцать человек из двух армейских клубов вызваны во вторую, олимпийскую команду страны. Не наносит ли слабая конкуренция в чемпионате удар по интересам национальной дружины? Ведь на международной арене игроки столкнутся с большим сопротивлением. Многие специалисты отмечают, что в матчах Евротура скорости выше.

Шепелев: Это не должно отразиться на выступлении сборной на международной арене — все-таки на Кубке Первого канала, как и на Играх-2018, выступят сильнейшие на данный момент хоккеисты страны — разумеется, из числа тех, кого можно пригласить в команду. За плечами большинства из них множество матчей повышенного накала — на Олимпиадах, чемпионатах мира, в НХЛ.

культура: Все процессы, происходящие в профессиональном российском хоккее в течение последних лет, объяснялись целенаправленной подготовкой к Олимпиаде. Правильно ли подчинять все одной цели?

Шепелев: Это масштабное событие проходит раз в четыре года. Выше я высказывал мнение, в котором не один, относительно того, что олимпийское «золото» — наивысшая награда,

завоевать которую почетно и престижно. А правильно ли все сделано в рамках подготовки, покажет конечный результат.

культура: Если же его не будет, что тогда?

Шепелев: Видимо, руководству нашего хоккея придется пойти на перемены.

культура: В такой ситуации мы вправе требовать от сборной только победы? Или вернее использовать формулировку «любая медаль — успех»?

Шепелев: Перед сборной, как ранее и перед командой Советского Союза, всегда стоит одна задача — выиграть первое место. Именно на «золото» мы все рассчитываем.

культура: Вам интересен нынешний чемпионат КХЛ, в котором два клуба значительно превосходят все остальные, и, по многочисленным прогнозам, один из них весной выигрывает Кубок Гагарина?

Шепелев: Чемпионат стал немного интереснее. Слишком большая разрыв между первой командой и последней в очках, в уровне мастерства. Клубам не хватает пополнения из собственных школ, недостает игроков хорошего среднего уровня.

культура: Сможет ли кто-то поспорить в плей-офф с двумя армейскими клубами?

Шепелев: С одной стороны, СКА и ЦСКА — явные фавориты. С другой, в матчах навлевет чего только не случилось. История хоккея богата, знает всякие примеры. На выступление в плей-офф влияет большой комплекс факторов — состояние, в котором команда подойдет к решающей стадии чемпионата, количество травм, наконец, удача. Даже если армейские коллективы сыграют между собой в финале Западной конференции, к чему, конечно, все идет, победителю в решающей серии придется противостоять представителю Востока. А слабым этот соперник, кто им ни оказался, точно не будет.

Справка «КУЛЬТУРЫ»

Расписание Кубка Первого канала по хоккею

13 декабря
19.30. Канада — Южная Корея
20.30. Чехия — Финляндия (Прага)
14 декабря
19.30. Россия — Швеция
15 декабря
15.00. Финляндия — Южная Корея
19.30. Чехия — Канада
16 декабря
13.00. Южная Корея — Швеция
17.00. Россия — Канада
17 декабря
13.00. Швеция — Чехия
17.00. Россия — Финляндия

«Пикник» не на обочине

Денис БОЧАРОВ

15 декабря в столичном ЦАХ, а 23-го в питерском клубе «Космонавт» пройдут концерты одного из наиболее утонченных и самобытных отечественных рок-коллективов — «Пикник». В преддверии выступлений корреспондент «Культуры» пообщался с лидером группы Эдмундом ШКЛЯРСКИМ.

культура: Новогодние балы, устраиваемые «Пикником», стали традиционными — вы уже не первый год проводите подобные праздничные мероприятия. Однако на этот раз концерты почти совпали по времени с выходом альбома: совсем недавно свет увидела пластинка «Искры и канкан». Будут ли предстоящие выступления своего рода презентацией новой работы?

Шклярский: Едва ли это можно назвать презентацией в полном смысле слова, хотя, само собой, планируем представить программу последнего диска как можно более полно. Постараемся напитать свежие композиции максимально предновогодним настроением. Этому будет посвящено первое отделение. А во втором хотим немного пожонглировать диско-мотивами. Если помните, в начале 80-х была такая голландская группа Stars On 45, основу творчества которой составляли обработки известных поп- и рок-хитов, выдержанных в стиле диско. Попробуем сделать попури из наших композиций в ретрообработке. В этом, кстати, основное отличие новогодних балов от наших обычных концертов. Праздничная атмосфера подразумевает некую легкомысленность, которой мы и постараемся добиться при помощи диско-ритмов.

культура: Столь внушительной дискографией, как у «Пикника», может похвастаться не всякий отечественный рок-коллектив. Если не ошибаюсь, недавний альбом стал двадцать вторым по счету — и это если не считать многочисленные сборники и концертники.

Шклярский: Да, страшно подумать, верно? (Смеется.) Но, вы знаете, несмотря на тотальное проникновение интернета в нашу жизнь, отсутствие материальной выгоды от релиза новых дисков, нам по-прежнему интересно выпускать записи на «физике». Во-первых, мы являемся заложниками той ситуации, которую сами для себя создали. Приятно радовать слушателя свежими программами, а без постоянного обновления репертуара этого не сделаешь.

Хорошо Роджеру Уотерсу, который на протяжении десятилетий колесит по белу свету со своей «Стеной», но мы себе подобной роскоши позволить не можем — хотя бы просто в силу географических обстоятельств. Ведь главной территорией выплеска творческих идей «Пикника» является Россия — поэтому приходится постоянно, как говорится, держать нос по ветру, не терять нить игры.

А во-вторых, нам просто нравится выдавать продукт, который можно подержать в руках. Мы, артисты старой закалки, открывали для себя мир рок-н-ролла во многом и через визуальную составляющую. И потому уверены, что музыку нужно не только слушать, но и осязать. Как меломану со стажем, мне приятно иметь дома грампластинки — они давно уже стали ценными артефактами. У меня в коллекции есть и не распечатанные диски, но они настолько красиво и «вкусно» оформлены, что по умолчанию являются украшением фонотеки. Кстати, с тех пор как винил вернул себе утраченные позиции, стараемся

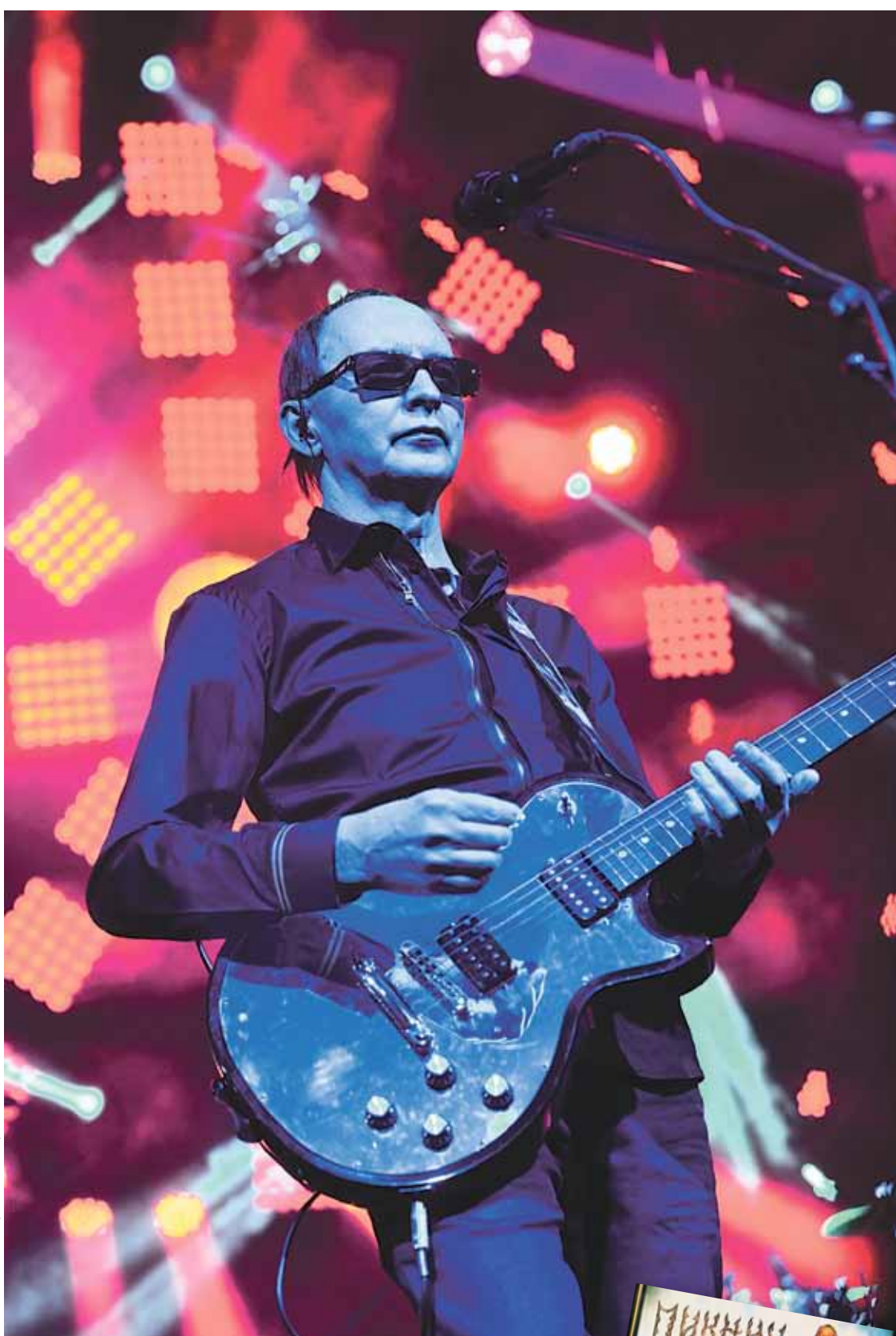

ФОТО: СЕРГЕЙ ВЕРТОВИЧ/РИТМ-ПРЕСС/ТАСС

ФОТО: РУСЛАН ШАМУКОВ/ТАСС

каждую нашу работу выпустить в этом формате.

культура: В хронологии возглавляемой Вами группы имеются разночтения: одни источники указывают на 1978 год, другие ссылаются на 1981-й, то есть на тот момент, когда «Пикник» пришел Эдмунд Шклярский. А третьи апеллируют к 1982-му, к дате выхода первого альбома. Сами в собственной истории не путаетесь?

Шклярский: Если говорить о календарных датах, которые отмечаем, то мы ведем летоисчисление с момента записи первого диска, то есть с осени 1981 года. Именно тогда появилась и первая информация о группе «Пикник». Что, кстати, немало важно. Ведь у нас огромное количество команд, которые не оставили после себя никаких-либо упоминаний в прессе, ни записей. Что вполне объяснимо: ну куда ты эти фонограммы денешь? Далеко не каждому улыбается фортуна. Поэтому воспоминания о многих российских группах существуют лишь на уровне устного народного творчества.

культура: Как за все эти годы изменился ваш слушатель? Можно ли вывести некий среднестатистический собирательный образ поклонника?

Шклярский: Едва ли следует говорить о ком-то конкретном. Судя по моим наблюдениям, аудитория группы многообразна. Есть те, кто когда-то нас слушал: они приходят на концерты, что называется, по старой памяти. А есть и такие, кто продолжает слушать, но в силу разных причин не приходит. Бывает и так, что выступления посещают дети людей, крутивших наши записи в молодости. Подобную преемственность поколений наблюдать всегда приятно.

культура: Негласно считается, что у каждой группы должны быть свои «Yesterday» и «Сержант Пеппер». Если эту условную формулу применить к наследию «Пикника», на чем бы Вы остановили свой выбор?

Шклярский: Никогда не мог понять поголовного преклонения перед «Сержантом», эта пла-

стинка в свое время прошла практически незамеченной мною, несмотря на то, что являюсь убежденным битломаном. И если уж на то пошло, «Abbey Road», по-моему, гораздо круче. О том же, что останется в людской памяти, а что из нее испарится, подозреваю, судить не артистам. Поскольку мнения автора и критика далеко не всегда совпадают. Бывало, выпустишь альбом, который искренне считаешь вершиной собственного творчества, а публика твоих надежд и чаяний, связанных с данной записью, совершенно не разделяет. Однако нельзя не сказать о той важной роли, которую в нашей судьбе сыграла первая виниловая пластинка — к счастью, альбом 1986 года «Иероглиф» не прошел незамеченным мимо профильной прессы и обычного слушателя. Возможно, именно на этой записи все звезды сошлись воедино: налицо было удачное попадание этой музыки в конкретный отрезок времени. Нам, видимо, повезло — выпусти мы эту про-

грамму чуть раньше или позже, вероятно, все бы сложилось в нашей творческой жизни несколько иначе.

культура: А целиком вы этот альбом не пробовали исполнять живую? В последнее время заметен тренд: команды играют материал своей наиболее удачной пластинки от первой ноты до последней...

Шклярский: Если бы наша группа называлась Pink Floyd, возможно, мы бы набрались наглости и пустились в подобную авантюру. Но, по крайней мере, на данный момент связываться с такими затеями не рискуем, ибо полностью отдаем себе отчет, что далеко не каждый человек, приходящий на концерт «Пикника», полностью погружен в ту атмосферу, в которой наши записи создавались. Публика, повторюсь, у нас разношерстная, и поэтому обманывать ее ожидания в угоду собственным амбициям, по меньшей мере, нечестно. Поэтому стараемся, по мере собственных представлений, гармонично сочетать на наших выступлениях как новые, так и уже проверенные композиции.

культура: Ваша группа является хранительницей традиций питерского рока. А уместно ли вообще в данном случае оперировать географическими понятиями? Существует ли разница между питерской, московской или, скажем, свердловской рок-школами?

Шклярский: Грубо говоря, применительно к российской рок-эстетике я бы сравнил Москву с Америкой, а Санкт-Петербург — с Англией. В Москве все происходит быстро и энергично, но душевности столичному рок-н-ролу все же немного недостает. Душа российского рока обретается на берегах Невы.

культура: На днях в эфире «Нашего радио» состоялась премьера «Пикниковской» песни «Лихие пришли времена». Что, они, по Вашему мнению, и в самом деле настали?

Шклярский: Они наступили не вчера и не сегодня — лихие времена пришли в тот момент, когда на Земле воцарились люди. Человек по каким-то причинам не может успокоиться, и поэтому мы наблюдаем извечную борьбу света и тени. Она кокет по нашему «шарику» постоянно, и конца этому процессу не видно. Да по-другому, наверное, и быть не может.

культура: Творец, в самом широком смысле слова, должен быть социально активен? Следует ли ему живо откликаться на веяния времени?

Шклярский: Да, только делать это надо с умом, а не по горячим следам, со скоростью периодической печати. Иначе легко перегнуть палку. Помните, как это было в перестроечные годы? Киноматрица той поры стал активно и резко участвовать в общеполитических процессах, как говорится, отзываться на обстоятельства. Пользуясь свалившейся на него вседозволенностью, вывалил на зрителя все наболевшее и накипавшее, без какого бы то ни было вдумчивого анализа. И что в итоге: подавляющее большинство лент той эпохи просто невозможно смотреть.

культура: Как бы прозвучало творческое кредо Эдмунда Шклярского, если таковое существует в природе?

Шклярский: Мне бы было куда проще ответить на подобный вопрос, если бы я был политическим деятелем и призывал людей на какие-то свершения. Музыка же, да и искусство в целом, с моей точки зрения, как это ни прискорбно признавать, не делает нас лучше. Осознавая свою скромную миссию в этом мире, считаю себя вправе поделиться с людьми тем, что ниспослано мне свыше. И если это находит отклик в чьей-то еще душе — слава Богу.

Есть что ВСПОМНИТЬ

ФОТО: АНАТОЛИЙ ГАРИН/РИА-НОВОСТИ

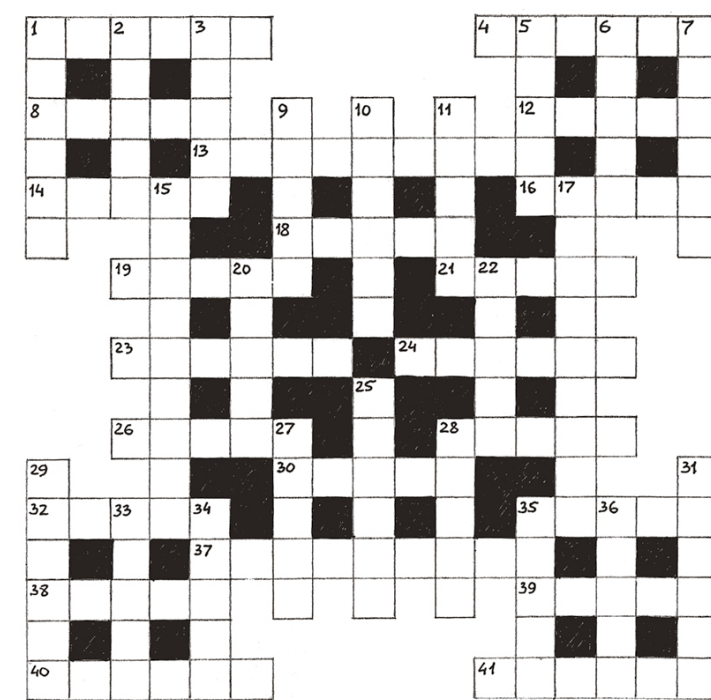
100 ЛЕТ НАЗАД, 16 декабря 1917 года, состоялось примечательное собрание московского писательского объединения «Среда». Здесь, пожалуй, впервые в нашей истории прозвучал хрестоматийный вопрос «С кем вы, мастера культуры?», пусть и в несколько иной формулировке. Один из давних и постоянных «средовцев» Александр Серафимович согласился стать завотделом в «Известиях Московского совета рабочих депутатов», примкнув к захватившим власть большевикам. По этой причине собравшиеся выразили ему гневный протест и просили на заседаниях «Среды» впредь не появляться.

Процесс размежевания на красных и белых, революционных писателей и контрреволюционеров к тому моменту еще только начинался, и дело Серафимовича послужило мощным катализатором. Уже через пару дней большевистская пресса процитировала его ответ оппонентам: «Да, господа писатели, глубокая пропасть лежит между вами и народом. Тем самым народом, страдания и чаяния которого вы так хорошо описывали. А теперь на одной стороне пропасти вы, писатели, оторванные от народа, а на другой — подлинный народ».

Сын есаула Войска Донского Александр Серафимович Попов (обратил свое отчество в литературный псевдоним в конце 1880-х), расуждая спустя месяц с небольшим после Октября о пресловутой «пропасти», конечно же, не догадывался, каких размеров она достигнет уже вскоре — с началом варварской, братоубийственной войны.

«Среда» с перерывами собиралась до 1922 года. Самые известные из членов кружка — Иван Бунин, Александр Куприн, Максим Горький — к моменту его последнего заседания оказались за границей. А уже в 24-м вышла повесть Серафимовича «Железный поток», самое известное его произведение, где ответ на вопрос о том, с кем автор, был дан достаточно убедительно. Отметим, что в нынешней России значительная часть писателей, художников, музыкантов и иных «властителей дум» вполне показательно играет за одну сторону — свою собственную. Серафимовичу и Бунину о таком можно было только мечтать.

Сергей ГРОМОВ

По горизонтали: 1. Архитектор, построивший в Петербурге здание Академии Штигилица. 4. Фильм М. Калатозова «Первый...». 8. Советский хоровой дирижер, лауреат двух Сталинских премий. 12. Немецкий живописец, которому позировали Фридрих Великий и Екатерина II. 13. Русская монета. 14. Сельскохозяйственное предприятие. 16. Советский ученый, историк архитектуры. 18. Роль Р. Бывова в фильме С. Колосова «Вызываем огонь на себя». 19. Великий испанский художник. 21. Итальянский композитор при русском дворе XVIII в. 23. Город Гагарин до 1968 г. 24. Травюра. 26. Латинский «новобранец». 28. Героиня фильма А. Паркера в исполнении Мадонны. 30. Шотландский живописец, один из крупнейших жанристов. 32. Российская актриса и фотомодель. 35. Эстрадная певица, солистка Московского мюзик-холла. 37. «Столбовая галерея». 38. Английский писатель («Лондонский купец, или История Джорджа Барнвелля»). 39. Русский театральный журнал. 40. Степная лисица. 41. Актриса («Воскресение», «Вечный зов»).

По вертикали: 1. Выгодное дело, основанное на спекуляции или обмане. 2. Один из мастеров западноевропейского Ренессанса. 3. Персонаж книги А. Милна. 5. Российский актер театра и кино («Часовщик», «Смерть Вазир-Мухтара»). 6. Декабрист, член «Северного общества». 7. Советская актриса, которую называли королевой комедии. 9. Сорт винограда. 10. Советский поэт, автор поэмы «Зодчие». 11. Жена сына. 15. Высококалорийный десерт. 17. Английский живописец XVIII в., портретист и пейзажист. 20. Герой оперы С. Прокофьева. 22. Любимое занятие кролика. 25. Сладкая ягода. 27. Валюта непризнанной Приднестровской Молдавской республики. 28. Этот герой романа М. Булгакова страдал гемикранией. 29. Предмет мебели. 31. Персонаж поэмы М. Лермонтова «Демон». 33. Российский актер театра и кино («Космос как предчувствие»). 34. Птица-рыболов. 35. Французская актриса и певица («8 женщин»). 36. Английский художник, чьей музой стала леди Гамильтон.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В №44

По горизонтали: 1. Констелл. 5. «Школьники». 10. Сомов. 11. Шомон. 13. Мокко. 14. Розница. 15. Ярослав. 16. Тоник. 17. Мускат. 20. Бордюр. 22. Радужие. 25. Пюре. 26. Рейн. 28. Самарин. 31. «Артист». 33. Свайка. 35. Фибик. 37. Попурри. 39. Иокаста. 41. Рампа. 42. Чарка. 43. Лодзь. 44. Квартира. 45. Баграмян.

По вертикали: 1. Кострома. 2. Намаз. 3. Таврида. 4. Бушлат. 6. Коняка. 7. «Лимпопо». 8. Накал. 9. Кронверк. 12. Мурнау. 18. Сопот. 19. Трест. 20. Бернс. 21. Дунай. 23. «Дым». 24. Шер. 27. Кашпарек. 29. Арбитр. 30. Батальон. 32. Сержант. 34. Векслер. 35. Финчер. 36. Хибара. 38. Помпа. 40. Содом.

В следующем номере:

«Беларусьфильм» представляет...
«Культура» разбиралась, чем сегодня живет главная киностудия наших ближайших соседей

